

ОРЕХОВАЯ ВЕТЧКА

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ,
ЗАПИСАННЫЕ
В СЕЛЕ РУССКИЙ САРС
ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

Департамент культуры и искусства
администрации Пермской области
Пермский областной краеведческий музей

ОРЕХОВАЯ ВЕТУШКА

Русские народные сказки,
записанные
в с. Русский Гарь
Пермской области

Пермь
1999

СОСТАВЛЕНИЕ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ,
КОММЕНТАРИИ - *А.В. Черных*

РЕЦЕНЗЕНТЫ: *доктор филологических наук И.А. Подюков,*
доктор исторических наук Г.Н. Чагин, кандидат филологиче-
ских наук К.Э. Шумов

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПЕРМСКОГО
ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Печатается по решению Ученого Совета Пермского областного
краеведческого музея

Ореховая веточка: Русские народные сказки,
записанные в с. Русский Сарс Пермской области. Пермь,
1999. – 132 с.

Сборник содержит русские народные сказки, записан-
ные экспедициями Пермского областного краеведческого
музея в селе Русский Сарс Октябрьского района Пермской
области в 1994-1996 гг. от Трясиной Евдокии Никитичны.

Сборник предназначен как для специалистов в облас-
ти народной культуры, так и для широкого круга читателей.

Художники: Л.И. Лемехов, И.В. Лаврова
Компьютерная верстка Л.С. Колчанова
Фотографии А.В. Черных, О.В. Бойко

Ответственные за выпуск: *Ю.Ю. Каширина, С.В. Волегова*

ISBN 5-883445-048-2

© Пермский областной краеведческий музей, 1999.

Сказок раньше много было...

Уже несколько лет Пермский областной краеведческий музей проводит экспедиционное обследование Октябрьского района Пермской области. Каждое лето старенький музейный автобус везет нас в один из сельсоветов района. Но в каком бы сельсовете мы ни работали, у нас есть одна заветная мечта: попасть в село Русский Сарс и встретиться с Евдокией Никитичной Трясиной.

С Евдокией Никитичной я познакомился в 1994 году в последний день экспедиции. До сих пор укоряю себя за то, что отправился на эту встречу без магнитофона. Небольшой пятистенный домик на одной из старых улиц села Русский Сарс, чистенький дворик, под крышей висит качель - признак того, что в доме есть дети. Стучу. Появляется хозяйка. *"Здравствуйте, я из Пермского областного музея"*. Слово за слово ... завязалась беседа. Оказалось, что Евдокия Никитична родилась в небольшой деревеньке Ваяшта в 1922 г., недалеко от Русского Сарса. Деревеньки этой давно уже нет. Осталась только память. Всю жизнь Евдокия Никитична проработала учителем математики в Русско-Сарсинской средней школе. Веду опрос, спрашиваю: *"Как раньше одевались? Какие праздники справляли?"* *"А у меня все написано, - отвечает хозяйка, - все про нашу старую жизнь в Ваяште"*.

Я листаю исписанные ровным почерком тетради, переписываю. И между делом неспешно продолжаю беседу. Записываю довольно интересный рассказ в полевую тетрадь. И только уже в конце разговора между делом спрашиваю: *"А сказки у вас рассказывали?"*. *"Еще как рассказывали! Сколько я их знаю!"* Я удивляюсь, [откладываю тетради в сторону] и прошу рассказать сказку. *"В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем ..."* скороговоркой начинает сказительница. Стоп, стоп. Мне же все это нужно успеть записать. В тот вечер я записал только одну сказку, про Ивана-царевича и царя Берендея.

После этого было еще несколько экспедиций, несколько встреч, когда мы, уже с магнитофоном, приходили к Евдокии Никитичне за сказками. Около 30 сказок записали мы от сказительницы. Можно возразить: "*Ничего особенного*". Может быть. Но в нашем крае сказочницы встречаются нечасто.

До сих пор самым распространенным полным собранием народных сказок является сборник Д.К.Зеленина "*Великорусские сказки Пермской губернии*"¹.

Сказки еще живут в деревнях, но, как правило, их рассказывают немного, одну-две, реже больше. Изменилась среда бытования сказок, основными слушателями стали дети, а рассказчицами - старшее поколение, бабушки и дедушки, в то время как в прошлом круг слушателей был гораздо шире и включал все возрастные категории. Изменилось отношение к сказкам, теперь их рассказывают "по поводу" в любое время, хотя старожилы вспоминают, что сказывание характерно лишь для зимнего времени: "когда скотина в поле ходит - сказки рассказывать нельзя".

Сказка постепенно выходит из активного устного употребления. Вместе с этим уходит и красочный, образный мир сказки. В памяти еще сохраняются сюжеты, но изменяется последовательность мотивов, исчезают словесные формулы, происходит лишь передача информации.

Сказочный мир Евдокии Никитичны избежал утраты образности, сохранил многие художественные приемы прошлого.

Когда Евдокия Никитична начинает рассказывать, вокруг нее собираются внуки и внимательно слушают, повторяя за бабушкой уже знакомые сказки.

В настоящее время достаточно сложно определить истоки устного рассказа, в том числе и сказок, часто выясняется, что рассказчик прочитал об этом в книге, газете, услышал по радио. Поэтому в каждом случае выяснишь, узнаешь, где услышал, кто рассказал. Не раз задавали такие вопросы и Евдокии Никитичне, на которые она всегда достаточно полно отвечала: "*Когда мы в школе, в Русском Сарсе, учились, жили мы в общежитии. Раньше у нас*

¹ Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник
Д.К.Зеленина. М., 1991.

называлось общежитие. Все жили вместе. У нас как было? Дом вот, пожалуй, с этот. Человек тридцать там жили. Электричества-то не было, только лампы. Керосин чтобы лишний не жечь, скоро выключат свет-то, дак мы лежим, спать-то неохота, и рассказываем сказки-то. Придет твоя очередь, по очереди рассказывали, щас тот рассказывает, щас этот. И вот, чья очередь, значит, рассказывают: если не знаешь сказки - ври, что придумаешь, то и ври. Кто что придумает, такую сказку и говорит. Вот наша же техничка, раньше мы называли "сторожиха", "тетенька", по-красивому. Она была женщина одинокая, она много сказок нам рассказывала сама. Вот я от нее больше сказок-то и запомнила".

Многие сказки повторяют уже известные по распространенным сборникам сюжеты: такие сказки Евдокия Никитична не любит рассказывать, считает, что их и так все знают, другое дело такие, которые мало кто знает, "свои".

Сказки Русского Сарса - явление нашего времени, они дошли до 90-х гг. XX в. в активной форме. Профессия сказительницы - учитель - требовала постоянного общения с детьми, одной из форм которого и были сказки. Это обстоятельство, видимо, и объясняет живучесть сказок из Русского Сарса. Наш век, изменения в крестьянском укладе, в языке нашли отражение и в сказках. Многие слова, понятные в прошлом каждому, не известны современному человеку, вышли из употребления, уходят они и из сказок. Но часть из них Евдокия Никитична все-таки вводит в повествование, но часто с пояснениями, что это такое и зачем. А с другой стороны, вошли в сказки и современные слова, без которых не обойтись, которые вносят реалии современности, приближают и само действие к нашему времени, но которые часто и противоречат художественному вымыслу: скатерть "завернута, как зонтик", царь, решивший выдать замуж дочь, "написал афиши".

Сборник составлен на основе магнитофонной записи сказок, поэтому мы попытались сохранять все особенности устной разговорной речи. Сказки приведены по разделам, условно названным нами "волшебные", "сказки про животных", "социально-бытовые сказки". Большинство сказок, записанных от Евдокии Никитичны,

относятся к "волшебным", к сказкам про животных можно отнести лишь сюжет "Медведь - липовая нога", социально-бытовые сказки, так же, как и волшебные, представлены разнообразными сюжетами о солдатах, попах, Иване-дураке, Игнатке-воре. В этот раздел мы включили также несколько "сказок", в основе которых положен сюжет быличек, бывальщин, "сказов", хотя рассказчица соотносит их с собственно сказками. Видимо, в данном случае мы имеем дело с переходным явлением, сказками, находящимися на границе жанров.

Автор-составитель благодарит сотрудников Пермского областного краеведческого музея, принимавших участие в экспедициях, особенно *В.А.Базанова* и *О.В.Базанову*, оказавшими помощь в сборе и расшифровке сказочного материала, администрацию Русско-Сарсинской средней школы и сельского совета, всех жителей села, с которыми нам посчастливилось встречаться во время экспедиций, а также Евдокию Никитичну и всю семью Трясциных.

*А.В. Черных - старший научный сотрудник
Пермского областного краеведческого музея*

Про Кощея

В некотором царстве да в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил да был один царь с

царицею. Все-то у них было, все-то было хорошо, да только одно плохо, что детей не было. Уж очень они хотели, чтобы у них был наследничек, или бы хотя дочка была красавица. Ну, раз нет детей, очень они переживали.

А раз царь - нужно было и свои владенья, когда-то свою работу выполнять - поехал он по владениям по своим. Долго ли, коротко ли ездил на своем красивом, богатом коне, который был, конь был очень такой, сбруя на нем была хорошая, уздечка золотая, седло шитое золотом. Ездил он, ездил и вот вертается домой. Не доехал - пить захотел. Думает: "Ну, немножко отдохну, да и коня заодно накормлю". Слез со своего коня. Уж во своих владениях был, своих полях, помнится, что тут где-то колодец был недалеко.

Отпустил коня на полянку погулять, а сам войлочек разложил, посидел немножко, да и пошел колодец искать, который знал где-то. Нашел он этот колодец. А колодец полный серебристой воды, а сверху плавает золотой ковшичек. Захотел он взять этот ковшичек. А он отплыл на другую сторону. Он с другой стороны зашел, хотел только взять ковшичек, а ковшичек на эту сторону переплыл. И так он ходил, ходил вокруг колодца и не мог поймать ковшичек. "Ну, - думает, - ну и пусть, я и без тебя напьюсь." И стал пить. Наклонился, пил, пил, пил, пил, а у него борода была, она все валится, валится в этот колодец, валится, валится и свалилась, а когда он напился, стал оттуда бороду доставать, ну, стал вставлять-то, а бороду кто-то там поймал, за что-то она зацепилась. И он не может от колодца отойти, туда-сюда дергается. Ну, в конце концов понял, что его кто-то держит, и говорит: "Отпустите, я дорогой выкуп за себя дам." А оттуда отвечают: "Вот если ты отдашь нам то, что ты в доме своем не знаешь, тогда отпустим". Подумал, подумал, ну, думает, что я в своем доме не знаю? Как будто я все знаю. Если что и не знаю, дак того и не жалко, пусть и будет. Ну, ладно, договорились, что он отдаст то, что он в доме не знает. Его отпустили. Забрал он свое лошадиное там обмундирование. Сел на лошадь, теперь уж вроде отдохнувший, напился. И поехал.

Как только стал поближе подъезжать, смотрит, колокола зазвенели, смотрит, люди какие-то ковры расстилают перед ним, чтоб он заехал, люди на колени становятся, шапки снимают. Что это, думает, такие почести, почему меня так на этот раз принимают, раньше я тоже ездил, но таких почестей мне не было. Ну и вот. Подъезжает поближе, смотрит, и царица выходит на крыльцо и в руках держит ребеночка. "Вот, - говорит, - ребеночка-то я и не знал". Плут и потекли его горькие слезы. Ну, что поделаешь, все равно подъехал, все были рады, встречали его, радовались, все его поздравляли с сыном. А у него все равно была одна печаль. Но все равно виду не подал. День прошел. Праздник они устроили в честь приезда. Второй прошел, за сыном никто не идет, никто не напоминает, что нужно его отдать. Пришло, неделя прошла, месяц прошел, и так и год прошел. И никто сына не забирает. Той порой царь о своей горе забыл. Думает, ну что, так и надо, видимо, никто у меня теперь не потребует.

И так прошло 18 лет. А сын подрос, стал такой красавец, красивый. Ну, обычно царские сыновья, они больше занимаются охотой, на прогулки ходят, гуляют, меньше работают. Ну, конечно, был очень умен, грамотен.

И вот однажды он поехал на охоту. Едет, и вдруг из одного дупла вышел старый такой, черный высокий дядька. И говорит:

- А, я тебя уже 18 лет поджидаю, когда ты подрастешь. Вот тебя-то твой отец мне отсулил.

- Нет, - говорит, - не правда, чтоб меня мой отец тебе отсулил.

- А вот, - говорит, - правда. Вот поедешь домой и на третий день приедешь сюда обратно к этому дуплу. Спросишь у отца, отсулил он тебя или нет. Если отсулил, то приедешь. А если не отсулил, то ты дома умрешь, если он скажет, что ты не поедешь ко мне, то, значит, ты дома умрешь.

Вот он приехал и сказал отцу, что вот встретил такого-то дядьку в лесу, что он сказал, что якобы ты меня отсулил какому-то вот этому дядьке. Тут заплакал снова царь, ну, и пришлось признаться, что, действительно, вот все и рассказал снова, как он пил, как у него борода упала в колодец, как его кто-то задержал за эту бороду и попросил то, что я в доме не знаю. А я вот как раз и не знал сына, потому что у нас не было детей.

Ну что, царь собрал, дал ему лучшего коня, опять собрал ему сбрую такую, саблю, все. Может быть, придется, говорит, воевать, сражаться с кем-то, как-то снарядил его, как воина. И поехал этот царский сын, Иван его звали, Иван царский сын снова в лес.

А его там уже поджидает этот черный дядька, говорит: "Ну, молодец, что приехал, давай пойдём со мной". Вот они пошли, пошли. Он лошадь взял под уздцы. Шли, шли. Вдруг он, значит это, топнул ногой, и земля растворилась, и они вместе с лошадью спустились туда, вниз, в царское подземелье. Говорит: "Вот, лошадь оставь пастись вот здесь на лугу". Там тоже луга такие - зелень, красиво все, солнце тоже светит; такой же мир, как тут, но только под землей. И вот, подошли они к царскому дворцу. "Это, говорит, мой дворец. А меня, говорит, зовут Кощей Бессмертный. Я в этом доме живу. И ты будешь мне во всем подчиняться и будешь теперь жить у меня как слуга."

Дал ему комнату отдельную жить. "Вот, будешь жить тут."

А через неделю примерно он посылает слуг.

- Слуги, - говорит, - сходите-ка позовите Ивана-царевича ко мне.

Приходит Иван-царевич к нему, падает в ноги.

- Что прикажете?

А вот, говорит:

- Для начала сшей мне сапоги, - отдает ему материал на сапоги, - да чтоб красивые были!

Ну, Иван царевич говорит:

- Я же не портной, я никогда не шил сапоги, я же царский сын.

- Ну все: был царский сын, а теперь ты мой слуга. Что хочу, того и заставляю. Если не сошьешь, мой меч - а твоя голова с плеч.

Взял он материал на сапожки, пошел в свою комнату и сидит, и плачет: "Как же сшить сапоги, я же не умею? Как я их буду шить?"

И вдруг слышит, прилетела пчела, и вот что так и набивается о стекло, стучит, стучит, набивается. Ему что-то жалко стало эту пчелку, что это она так набивается, открыл форточку, а пчела залетела в эту форточку, ударилась о пол и сделалась девицей и говорит: "Здравствуй, Иван-царевич. А я Марья-царевна. Я дочь Кощея Бессмертного. Я знаю, что мой отец заставил тебя сшить сапоги. Он уже неоднократно и других людей тоже заставлял. И тоже несколько человек таких у нас было, как ты. Ну, говорит, они не могли унорочить моему отцу, и он их уничтожал. Так же, говорит, он может убить и тебя, а мне, говорит, тебя жалко. Я тебе могу помочь. Вот, давай сюда материал, а утром сапоги будут стоять. Форточку не закрывай, сапоги будут стоять вот здесь, на лавке, ты бери и неси ему".

Ну ладно, он, значит, уснул. Она ему забрала, а утром, когда он проснулся, то сапоги уже стояли на лавочке сшитые, красивые. Взял он эти сапожки под пазушку и пошел, пошел к царю Бессмертному. Говорит:

- Вот, сшил.

- Чу, - говорит, - молодец, хорошие сапоги. Иди, говорит, домой, в свою комнату.

Прожил он неделю или две ли, снова слуги приходят за ним и говорят: "Явись к Кощею Бессмертному". Он пришел, упал в ноги:

- Что прикажете?

- А вот, - говорит, - в одну ночь построй замок, если построишь - молодец, если не построишь, мой меч - твоя голова с плеч.

- Чу, как замок я построю? Я, говорит, не плотник, я никогда не строил. Я не умею. Я даже не видал, как их строят.

- Все равно строй!

Чу, пришел он, снова заплакал. И смотрит: опять эта пчела летит. Вот, думает, счастье. Прилетела, форточку открыл, она ударилась о пол, опять сделалась Марьей-царевной.

- На этот раз я знаю, что тебя заставили построить замок. Это, - говорит, - тоже горе не горе. Можно, говорит, построить. Давай ложись спать. Утром, говорит, вставай пораней, умывайся побелей и иди зауголочки поколачивай топориком.

Чу, он так и сделал. Проснулся, умылся, оделся, пошел, взял топорик и ходит вокруг замка. А царь проснулся, смотрит - замок построен.

- М-м, что-то, - говорит, - это он ли это строил? Как это он построил?

Но все равно вызвал его к себе и говорит:

- Чу, молодец. Иди домой, в свою квартиру.

Он опять ушел. Прошло долго ли, коротко ли. Опять он его вызывает и говорит. А сам царь подумал, что это не он, это кто-то ему помогает. А кто может помогать из всех его 33 дочерей, самая такая младшая дочь, это Марья-царевна. И она как бы взяла отцовское такое наследство, что она умеет тоже, как и отец, быть такой, как колдуньей что ли, что-то вот может сделать, вот даже сшить сапоги может, вот, построить замок может в одну ночь. У ней такие задатки Кощеевские, Кощея Бессмертного, или она его слугами пользуется, но делает кто-то. И вот вызвал он опять Ивана-царевича и говорит:

- Вот, говорит, у меня 33 дочери, все они одинаковые ростом, все они рост в рост, голос в голос. Ты их ничем не различишь. А вот если ты найдешь Марью-царевну, то ты молодец, а если не найдешь, то мой меч - твоя голова с плеч.

Он пришел домой. И вот поглядывает, не прилетит ли пчелка опять. Вот и ждет. Открыл форточку, ждет, не прилетит ли. Смотрит - летит, у него уже форточка открыта, он со слезами на глазах встречает ее. Она стукнулась о пол, сделалась Марьей-царевной и говорит:

- Че ты плачешь, не плачь.

- Чу как я могу тебя найти, если вы все одинаковые?

- Конечно, - говорит, - если я тебе не помогу, то тебе никогда меня не найти, мы все одинаковые. Мы одеты все одинаково, волосы у нас у всех одинаковые, даже голос и тот у всех одинаковый. Но не плачь, я тебе помогу. Только ты будь внимательным. Вот, говорит, он тебе даст три раза пройти около нас. Если первый раз ты пойдешь, ты ничего не заметишь. Второй раз пойдешь - тоже ничего не найдешь. А вот третий раз пойдешь - будь внимательным, у меня, говорит, на щеке будет маленькая-маленькая мошка сидеть. Если ты пропустишь эту мошку, не опознаешь, значит, тебе больше не найти. Будь внимательным. И сама опять улетела.

Вот, на следующий день приходят слуги за Иваном-царевичем, а там уже на улице построены 33 дочери, все они стоят в ряд, все одеты одинаково, косички заплетены у всех одинаково, сами лицом они все равные. "Вот, - думает, - которая же Марья-царевна? Что бы она подмигнула мне хоть. Как то ведь могла бы она мне сказать, чтоб ее опознать".

Прошел раз, посмотрел внимательно, смотрел на каждую, думает: "Где-то она сморгнет, где-то она, может быть, что-то даст как-то знать". - Нет, никаких признаков. Второй раз пошел, смотрел, смотрел внимательно на каждую - нет. Нигде не мог определить, которая Марья-царевна. Третий раз пошел. А сам уже и ног не

чувствует под собой, боится, думает: "А вдруг я эту мушку да и не увижу. Да и мух-то ведь, может, какая-то сесть и на другую. Ведь летают же мухи." И вот идет. Внимательно смотрит на каждую, на каждое лицо смотрит. И вдруг видит, около уха у одной маленькая-маленькая мошка бежит. Вот он говорит:

- Это вот Марья-царевна.

Пут Кощей Бессмертный захохотал своим громким хохотом:

- А, говорит, теперь я знаю, кто тебе помогает! Сам бы ты по своей воле ни за что бы не нашел! Это помогает тебе Марья-царевна! Ну все, я пока отпускаю тебя, но знай, что я тебе меру наказания еще найду!

Ушел он в свою комнату, сидит, плачет. Вдруг летит пчела, у него форточка уже не закрыта. Стукнулась она о пол и говорит: "Ну, Иван-царевич, отец догадался о том, что это я тебе помогаю, нам с тобой обоим житья не будет, давай отсюда побежим. А то иначе все равно нас задержат, убьют. Он и меня не пожалеет. Так я вот занялась тебе помогать".

И вот, собрались они бежать. "Надо, - говорит, - скорей!" И она плюнула на стекло и наказала, что когда придут слуги, то скажите, ответьте царю: "И^нас иду".

Ну и вот, они побежали. А царь посылает за Иванов-царевичем слуг. Слуги пришли.

- Иван-царевич, иди к Кощею Бессмертному.

А слюна на стекле отвечает:

- Сейчас иду.

Ну ждут и ждут, ждет, ждет, а никто не идет. Тогда опять, снова посылает слуг:

- Идите, приведите его!

Ну, слуги опять спросили:

- Иван-царевич, иди к Кощею Бессмертному.

- Щас иду, - говорит.

Ну что, ждал, ждал, нет, не пришел. Третий раз.

- Сейчас же привести его силой ко мне!

Они зашли в квартиру, в эту комнату, а там никого нет. Приходят и говорят:

- А там никого нет.

Тут опять рассердился Кошей Бессмертный, говорит:

- А тут ли Марья-царевна? Ну-ка найди мне Марью-царевну!

Начали искать, и Марьи-царевны нет. Ну, тогда он догадался, что они вместе сбежали, и стал организовывать погоню: самых лучших своих слуг на лошадях послал догнать их. А они бегут, бегут, бегут, бегут. Марья-царевна ляжет на землю, положит ухо на землю, на тропинку и слушает: гонятся за ними или нет. Нет, нету погони. И опять бегут. Опять ухом ложится на землю, слушает: "Есть, нет погоня". Нет, нету погони. А третий раз, когда прилегла на землю, и говорит:

- Да, за нами погоня. И нас могут догнать. Давай будем спасаться!

- А как спасаться?

- А вот, - говорит, - я буду лошадью и возом сена. А тут будет стог. А ты, говорит, накладывай из стога сена на телегу, на воз. А когда, говорит, спросят тебя, погоня спросит - не видал ли Марью-царевну с Иваном-царевичем, ты, говорит, скажи: видел, что вон по той дороге побежали.

- Чу, хорошо.

Вот только они превратились в лошадь и там телегу, стог сена появился, он сено ложит. И тут и подогнали погоня, говорят:

- Эй, мужик! Не видал ли ты Ивана-царевича с Марьей-царевной?

- Видел, - говорит, - какие-то двое торопились бежали. Вон, говорит, они в ту гору убежали, вон по той дороге.

Чу, погоня туда бросилась. А они скорей перевернулись опять в Ивана-царевича и Марью-царевну и побежали по другой дороге, совсем в противоположную сторону им нужно было. По той дороге, по которой им надо было идти. Добежали они, и тут конь пасется, он никуда не девался. Скорей на этого коня, тогда уж быстрее поехали, доехали до края. Марья-царевна там топнула ногой, земля растворилась и вышли они на волю. "Чу, - говорит, - все, теперь, говорит, он нас не догонит. Теперь, говорит, мы поедем".

Ну вот, Иван-царевич говорит:

- Ну, хорошо, ты мне спасла жизнь, ты столько раз меня выручала, так ты за это будь моей невестой. Я тебя возьму замуж.

Ну, она говорит:

- А как же это мы приедем в дом к царю, и сразу ты приедешь с невестой, с женой? Так не положено, так некрасиво. Надо сначала посватать. Как-то спросить дома, разрешат ли тебе жениться или нет. А уж потом и за свадьбу. Ты, говорит, поезжай на своем коне, а меня, говорит, вот здесь на горе оставь, я посижу, а ты съездишь домой, спросишь, разрешат ли тебе жениться. И тогда ты и скажешь, что у тебя есть невеста. И тогда разрешат, значит, ты меня приведешь домой.

- Ну, хорошо.

- Только, - говорит, - тебе один наказ, чтоб ты никого не целовал, если ты кого-то поцелуешь, то про меня забудешь.

Ну, он дал слово, что целовать не будет никого и поехал.

Приехал домой, а там царь и мать его увидели, встретили, сестры там уже родились какие-то у них, в общем, слуги все эти, все были очень рады, что вернулся Иван-царевич. И открыли такой пир-мир. И всех там созвали своих родственников, в общем, близких друзей, что Иван-царевич вернулся. И были такие красавицы на вече-

ре, женщины, девушки, что он, глядя на них, прямо ну никак не мог стерпеть и поцеловал одну. И стал дома жить, и полюбил эту девушку, и все стали готовиться к свадьбе. Что вернулся. Ну, надо свадьбу сделать. Девушка ему понравилась, а хотя у девушки был тоже жених свой, она хотела тоже замуж выходить, но так как он царь, то есть царский сын, поэтому уж решили отдать за него эту девушку.

А Марья-царевна сидела-сидела на горе и превратилась в камень, никто за ней не идет, никто ее не зовет.

Шла одна женщина и на камне увидела голубой цветочек очень красивый, и думает: "Как же это на камне и цветок вырос?" Очень цветочек ей понравился, она его сорвала, принесла домой, поставила в стеклянную бутылку с водой на окно. А женщина была одинокая, никого у ней не было. Вот уйдет она на работу, придет, а у ней в комнате все прибрано, посуда помыта, пол помытый, все везде сделано аккуратно, красиво. Цветы политые, окна промытые, думает: "Кто это мне помогает?" Второй раз придет, снова так все. А никого не видит.

А пока она уйдет, а Марья-царевна из цветка превратится в Марью-царевну и все по дому сделает. Была очень рада, что ее эта женщина подобрала. А потом кто-то женщину научил: "Ты, говорит, не ходи на работу, а спрятайся куда-

нибудь и наблюдай. Как, говорит, что-то где-то зашевелится, ты, говорит, на это место набрось белый платок*.

Ну, она так и сделала. Спряталась, будто ушла на работу, а сама сидела где-то в уголке. Как зашевелилось, в котором месте Марья-царевна, когда она стала превращаться в девушку, она и бросила белый платок. И очутилась под платком девушка - Марья-царевна. Ну, Марья-царевна заплакала даже, говорит:

- Вот ты меня снова, женщина милая моя, меня снова оживила, и я теперь снова буду человеком. Я, говорит, Марья-царевна. Теперь я буду пока от тебя должна уйти.

Ну, женщина пожалела, да че ж, видимо, надо ей домой торопиться. И пошла она по городу, эта Марья-царевна, а там везде висят плакаты, о свадьбе извещают, что женится царский сын, что приглашаются все. Многие люди приглашаются: кто умеет стряпать, печь пироги, куличи, сделать там какие-то разные кушанья на стол, то всех приглашают приходить в царский дворец.

Ну, вот она узнала, что Иван-царевич женится и пошла. Пришла на кухню и говорит:

- А я умею печь пироги.

- Ну, раз умеешь печь пироги, то пожалуйста, говорит, вот, давай.

Ну, она сделала там, квашенку завела, все. И стала печь. И такой она пирог испекла, знамени-

тый прямо. Во-первых, он был большой; во-вторых, на корочке было у ней там все так, чтобы целый царский дворец нарисованный. И вот, когда все это у ней сделалось хорошо, старшие по этой стряпне стали говорить: "Этот пирог поставим перед молодых на первый стол". И когда приехала свадьба, поставили этот пирог перед молодых. Ну, обычно, когда сядут молодые за стол, то сначала встанут на ноги все, тихо становятся, как бы невеста должна кланяться влево, вправо, вперед - приветствовать всех, а пирог там уже слуги в это время разрезали. И вдруг из пирога вылетело два голубя. И полетели эти голуби и сели на божницу перед иконы. Все люди обратили внимание, такая тишина. И вот они угу-угу-угу, гулят между собой. Толубь и говорит:

- Толубка, выходи за меня замуж.

А голубка говорит:

- Нет, я за тебя замуж не пойду. Ты, говорит, забудешь меня, так же, как Иван-царевич забыл Марью-царевну на горе.

Тут-то он услышал эти слова и вспомнил, что у него на горе Марья-царевна, которая спасла его от смерти, которая его выручила. А он вот так сделал, изменил ей - поцеловал другую!

И тут же он из-за стола побежал, говорит:

- Это не моя невеста! Моя невеста Марья-царевна! Я щас ее, сбегая за ней. Щас я ее приведу!

Ну, когда он побежал, Марья-царевна сама к нему вышла и говорит:

- Не бегай, Иван-царевич, я здесь.

Он говорит:

- Вот, вот, это моя Марья-царевна!

Ну, все удивились вначале, что как это так вдруг? Царский сын и одну невесту брал, а тут вдруг оказалась вторая?! Ну, он никого не слушал, говорил, что это только вот эта моя законная невеста и все.

Снова встали они с ней за стол. Ай нет, ее сначала еще приодели, нарядили, она такая стала красавица, красивая. Там наряды уже были какие-то, и за стол уже. А тут к этой невесте подошел тот жених, который у ней был. Ну, и сразу образовалось две свадьбы. Ну, людей было очень так много. Пир был очень большой, раз царский сын женится.

Ну, и я вот там была и мед-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало. А на свадьбе мне сделали подарок - дали мне шлык да в подворотню меня швырк. А я пошла с этим подарком, а пришлось идти-то все лесом, лесом. Села на какое-то бревно, а подарок-то положила под кору и теперь не знаю, под которую. Вот все и хожу ищу. Ну, вот на том и сказке конец, кто слушал, тот молодец.

Про Сивку-бурку

Вот, жил-был старик со старухой. В сельской местности они жили. Поля у них были, пшеницу они сеяли, урожай высокий собирали. И своих сыновей троих кормили, растили.

И вот однажды, в одно лето кто-то у них стал топтать пшеницу. Ну, старик сначала одного сына послал, он никого не укараулил. Второго сына послал - тоже ничего. А третьего сына Ванюшу послал, Ванюша все не спал. Слышит: земля дрожит, конь бежит. Прибежала лошадь и стала пшеницу щипать, а потом стала по пшенице кататься, ноги вверх задирать. Путь Ванюша не вытерпел, тихонько подкрался, за гриву поймался и сел задом наперед. Лошадь выше церкви подымалась, выше лесу была, выше домов, но он все равно усидел, не могла она его сшибить. Ну, в конце концов, устала лошадь, спустилась около поля и говорит:

- Хорошо, Ванюша, ты на мне усидел, тебе мной и владеть. Только ты меня отпусти в чисто поле, а когда потребуюсь я тебе, я тебя не забуду, ты скажи: "Сивка-бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой". Я к тебе и прибегу.

Ну вот, взял да и отпустил. Пришел домой, а отец спрашивает:

- Ну как? Видел кого-нибудь?

- Нет, никого, - говорит, - не видел. Только, говорит, пшеницу нашу больше топтать никто не будет.

Ну и ладно, долго ли, коротко ли прошло, старик-то заболел да умер. Старушка тоже старая совсем стала. А там жил один царь, а у царя была дочь, и вот этой дочери нужен был жених. Уже ей пора бы замуж, а женихов нет. И вот царь решил выдать вот за какого-то парня, за такого выдающегося что ли, за бойкого очень.

Взял да и посадил ее на второй этаж в окно. А на палец одел золотое кольцо и везде написал афиши: "Вот, если какой-то парень достанет кольцо с руки, за того и отдам замуж, и полцарства еще в приданое отдам."

Ну, парни когда это узнали, всем захотелось не так уж взять царскую дочь, как захотелось взять приданое, полцарства! А еще когда-то царь умрет, может быть, и царем будет.

Все стали стараться, как это снять кольцо. Думали, думали, ведь не запрыгнуть, лестницу не разрешается ставить, только так, с полу. Как это снять кольцо. И спросили царя:

- А можно на лошади?

Говорит: "Можно, все равно, мол, только с лошади надо все равно ведь прыгать как-то".

И вот эти братья двое стали своих лошадей овсом кормить, чтоб они, стали их чистить, хвостики подрезали, гривы подчистили. Ну и, в один прекрасный день собираются утром. А Ванюша говорит:

- Возьмите меня тоже с собой.

- Да куда тебе, у тебя и коня нет, да и сам-то ты мазуля, грязнуля. Сиди вон на печи да пере-гребай золу.

Уехали. А Ванюша взял лукошко и пошел в лес. Насобирав полное лукошко грибов, спрятал под елочку. А сам крикнул:

- Эй, Сивка-бурка, вещий каурка, будь передо мной, как лист перед травой!

Сивка бежит, земля дрожит, из ноздрей жар пышет, хвост по полу тащится, гриба по земле волочится. Прибежал, встал, как вкопанный:

- Что, Ванюша, тебе надо?

- Да вот, говорят, царь отдает дочь замуж за того, кто достанет кольцо у ней с руки. У меня вот братья уехали, а мне лошади не было.

- Ну, так что, недолго. Давай, говорит, эта служба не такая уж большая, давай залезай в правое ухо, вылезай в левое. Он залез в правое ухо, вылез в левое. Сделался таким каким-то красивым, да он и так по себе был красивый парень, но только чистым, опрятным и одежда на нем другая стала.

- Плеперь - говорит, - садись на меня.

Ну, сел он на эту лошадь и погнал. А людей там целая площадь, видимо-невидимо. Столько людей собралось, всем хочется кольцо достать, а кто и просто посмотреть, как это достают парни, родители собрались, друзья, товарищи. А девушка красивая сидит на подоконнике и руку спустила вниз. А кольцо золотое так и светится, так и сверкает.

Подогнал он на этой лошади, прыгнул, ну, не мог достать кольцо. Прогнал дальше, уехал. Уехал снова в лес.

Ну, Сивка-бурка говорит:

- Да, оплошал я, ладно, на следующий раз.

Залез он в правое ухо, вылез в левое. Опять такой же Ванька стал. Отпустил Сивка-бурка погулять, а сам взял эту и идет домой.

А братья приезжают и говорят:

- Ух, Ванька, какой там приезжал парень! Да на какой лошади, всем нашим лошадям не чета! Да какой он красивый, да как он одетый! Да он ведь прыгнул, он чуть-чуть не достал, а мы никто ничего не могли достать.

Ну, все равно затея не решается. На следующее воскресенье снова собираются ехать. Никто кольцо-то не достал. Опять они своих лошадей моют, чистят, сами чисто одеваются. А Ванька говорит:

- Возьмите меня с собой, я хоть погляжу, что там за невеста.

- Куда тебя такого грязного! Сиди на печи да перегребай золу. Нечего тебе там делать!

Уехали. А Ванька опять взял лукошко и опять в лес. Час собирал грибов, прятал под елочку. Закрыв лопушочками, а сам свистнул:

- Ш-ш-ш... Сивка-бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой!

Сивка бежит, земля дрожит, жар из ноздрей пышет. Прибежал.

- Ну, давай, - говорит, - ты теперь уже знаешь, залезай в одно ухо, вылезай в другое. Он залез, вылез, сделался таким, еще нарядней. Опять сели и погнали.

Как разогналась этот Сивка-бурка, так этот Ванька успел снять кольцо, еще и девушку поцеловать. И опять угнали в лес.

- Ну вот, на этот раз, ты, - говорит, - молодец, хорошо на мне усидел и хорошо прыжок сделал.

Сивка-бурка в лес пошел, побежал, там отпустил он его. А Ванька домой пошел. Только заходит в ограду, и братья заезжают. А он с грибами заходит из леса.

- Ох, Ванька, какой был, ведь достал ведь, достал ведь парень-то кольцо-то да еще успел невесту-то поцеловать. Да какой конь-то под ним красивый, да какой нарядный, да!

- Да не я ли там был?

- Тебе ли быть такому.

Ну, приехали все, лошадей поставили, там ужин приготовили. А Ванька на печь залез. Они ужинают, разговаривают о людях, о коне, на котором приезжал парень, о парне, как он был красиво одетый.

А Ванька кольцо-то одел на палец, да и тряпочкой завязал, чтобы никто не видел. А лежит на печи-то и охота стало посмотреть, что это за золотое кольцо. Взял, да и развязал тряпочку-то. А от золотого-то кольца, как оно засвѣтилось, как искры посыпались! А братья-то увидели и говорят:

- Ванька, ты чего там спичками балуешься, подожгешь еще!

А Ванька скорей тряпочкой завязал кольцо. И вот, поужнали они, спать легли.

А в следующее воскресенье, значит, должен жених явиться к невесте. А невеста ждала, ждала, ждала, ждала - никто не явился, никто не пришел.

А уж на следующее воскресенье тогда невеста снова позвала всех парней и решила их угостить пивом. Ходит по комнате, кто пришел к ней, и всех пивом угощает.

Ну, и братья эти тоже пошли на приглашение царской дочери, и Ванька побрел. Пришел, когда уже полная изба была людей. Прямо поместиться некуда. И он под самый порог, под умывальничек, только ему место оказалось, там и сел. Ну, она всех пивом обнесла и дошла до Ваньки. Когда он

стал брать кружку с пивом, а палец-то завязанный. Она говорит:

- А что это, Ваня, у тебя палец-то завязанный?

- Да я, - говорит, - порезал.

А ей что-то подозрительно стало. Когда стала кружку брать обратно, взяла да и сдернула повязку-то. А золотое-то кольцо как засветилось, как засверкало, так прямо в избе-то все и осветило.

Вот тогда она берет его за руку и ведет к столу, и говорит:

- Вот, это мой жених.

Все удивились.

- Да как это? Ванька! Ведь это же Ванька!

И братья смотрят:

- Так это же наш Ванька! Да где, да он же, он же, он же и не был там!

Один старший выходит, говорит:

- Вы ошиблись, наш Ванька вовсе не ходил. У него и лошади нет.

Она говорит:

- Нет, это все равно мой жених! Чу, тут пока, говорит, временно прекращаем.

Повели Ваньку в баню. Вымыли его, вычистили, одели на него чистую одежду, новый костюм.

И тогда они встали за стол рядышком с невестой. И все люди увидели:

- Правда, ведь этот парень-то был!

- И правда этот.

- Ведь это же Ванька!

Ну, и договорились насчет свадьбы. И отдали эту невесту за этого Ваньку замуж. Хотя и было обидно братьям, но им было деваться некуда.

И вот, на свадьбе, значит, было очень весело. И всех-всех, и братьев пригласили, и стали они жить да поживать и добра наживать.

Про Жернова

Жил-был бедный мужичок, семья у него была большая. У него и скотины-то было очень мало, одни куры. А по соседству, в следующей деревне, был богатый барин. У него всего было вдоволь, много. Ну, а бедных-то он как-то старался обидеть, все обобратить у них. И вот узнал, что у бедняка есть мельница, а на мельнице главная такая деталь - это жёрнова, которые перетирают зерно. Он приехал, барин-то, к этому бедному дядьке и говорит: "Дай мне поддержать жёрнова на одну неделю. Я вот всю перемелю свою муку и тебе жёрнова обратно верну." Ну, бедный и поверил ему, взял и отдал ему жёрнова на неделю. А он неделю держит, две держит. Ну, сходил мужчина, бедняк, попросил у него жёр-

нова, а он говорит: "Я у тебя и не брал жёрнова, я и не хочу тебе его отдавать, у меня нету его." Ну, тогда нечего было делать, ушел домой, поплакал, не знает, как у барина жёрнова отобрать. Ходит по двору, плачет. И увидел его петух:

- Что, говорит, ты, хозяин, такой печальный, плачешь?

- Да вот, - говорит, - отдал я барину жёрнова на одну неделю, а он вот мне его теперь не отдает. Говорит, что у меня его и не брал вовсе. А вернуть, говорит, я не знаю как, он ведь мне может его и не отдать, у меня ведь никакого документа на него нет, и никто из соседей не видел, что я ему отдавал.

А петух говорит:

- Так пошли меня, я постараюсь вернуть эти жёрнова.

- Ну, пойди, - говорит, - если сумеешь.

Вот полетел петух в соседнюю деревню, прилетел, сел на ворота к барину и кричит: "Кука-реку, отдай, барин, жёрнова!" Барин что-то сначала не поверил, что это петух говорит, потом все, а он снова кричит: "Кука-реку, отдай, барин, жёрнова!" Ну, пришлось слуг вызвать. Вызвал слуг и говорит: "Слуги, слуги, поймайте петуха. Посадите его, говорит, в воду, пусть он там утонет". Там бассейн был такой у него большой. Ну, взяли, посадили в воду, а петух говорит: "Ж.. пей, ж... пей!" Воду выпил. Наутро пришли, дверь открыли, он

снова вылетел. Вылетел опять на ворота, опять кричит: "Кука-реку, отдай, барин, жёрнова!" А он опять кричит: "Слуги, слуги, как вы смели там отпустить этого петуха? Поймайте его и бросьте его в горящую баню, когда баня топится. Да закройте его там покрепче, пусть он там в дыму в этом погибнет". Ну, слуги так и сделали. Затопили баню, а баня была сделана по-черному, дым весь шел в баню, петуха туда посадили, закрыли двери и думают: "Там петух погибнет". А он стал эту воду лить, лить, лить: "Ж.. лей, ж... лей, ж... не жалей." Лил, лил и залил. Ну, вылил он эту воду, потушил, опять вылетел, опять сел на ворота, опять кричит: "Кука-реку, отдай, барин, жёрнова!" Ну, барин не рад, не знает, куда его девать и сказал: "Бросьте ему, говорит, там медведь у меня есть, бросьте его медведю". Ну, бросили его к медведю. "Пусть, - говорит, - его медведь съест." А он, значит, петух, медведю тихонько на ухо прошептал, что вот, говорит, я зачём, что приехал жёрнова попросить." А медведь сказал, что барин его плохо держит, плохо кормит, и они подружались с петухом, и медведь его не загрыз, петуха.

Пришли утром слуги, думают, что он пропащий где-нибудь таскается, а он снова вылетел и снова на ворота, опять кричит: "Кука-реку, отдай, барин, жёрнова!" Ну, тогда, значит, барин не рад этому петуху. Опять кричит слуг: "Слуги, вы слу-

ги, поймайте петуха и бросьте его вон к самым злым коровам, пусть они его забодают". Бросили его коровам, он, значит. Ну, коровы на него, конечно, злые были, сразу рогами, а он в уголок спрятался, лежит, не знает, как быть. И позвал потихоньку медведя, чтобы оттуда выйти. Медведь пришел и даже двух коров задрал.

А утром барин опять проснулся, а петух уже опять, снова на воротах, кричит: "Кука-реку, отдай, барин, жёрнова!" Он не знает, куда этого петуха девать, закричал снова: "Слуги вы, слуги, поймайте этого петуха и изжарьте его, я его съем". Ну слуги поймали петуха, пощипали немножко, они пощипали, съел он, а он все равно и в животе у него все равно кричит: "Кука-реку, отдай, барин, жёрнова!" И тогда он был вынужден отдать жёрнова. Так стал бедный зарабатывать себе на пропитание, и сейчас живет, поживает, добра набирает.

Как ветер муку унес

Жу, сказок раньше много было. Был, видимо, и такой сказ, что жили два брата, не так уж далеко друг от друга. Один был бездетный брат, у него богатство

хранилось, копилось больше, он был богатым. А вот у второго брата было несколько, много детей, было шесть или семь. У него, значит, было нечем этих детей кормить, беднота. И он решил у этого богатого брата попросить займы муки. Пошел, говорит: "Вот, братец, дай мне муки займы." А тот говорит: "Я тебе уже много этой муки даю, но ты никогда не возвращаешь". Но все-таки дал. Дал ему ведро муки, а тот пошел, понес это ведро, и откуда ни возьмись поднялся большой ветер, сильный, и у него муку из ведра выдуло и унесло. Пришел домой без муки, пришел и заплакал, и дети все, кормить было нечем. И он рассердился на этот ветер и говорит: "Где бы мне найти этот ветер, я бы ему сказал! Почему же он моих детей оставил голодом, почему же он мне не дал даже муку донести, которую мне брат дал с таким трудом!" Ну, и решил искать идти этот ветер, чтобы ему поговорить с ним, чтоб он вернул ему эту муку уж что ли.

И вот пошел. Шел-шел, долго ли, коротко ли, по всем дорогам, не знает, где ветер живет. И вот, в лесу нашел он избушку. Стоит избушка на куриных ножках, туда-сюда поворачивается. Подошел он к этой избушке и говорит: "Избушка, избушка, повернись к лесу задом, к нам передом." Избушка повернулась, и он зашел в эту избушку. А в этой избушке сидит Баба Яга - костяная нога, а нос у ней в потолок врос. Зашел он к ней и говорит:

- Милая бабушка, трудно тебе так сидеть?
- Да, - говорит, - трудно.
- Дай-ка я тебя освобожу.

Взял ей нос из потолка достал, голову ей исправил. Пожил у ней денька три, познакомился, и Баба Яга полюбила этого человека. Рассказал он ей, пожаловался на ветер. Что, мол, вот живу-то я плохо, детей-то у меня много. Занял я муки у брата, а ветер дунул и сдул у меня всю муку, выдул, нечем мне детей кормить. Помоги мне найти этот ветер. Ну, она раздобрилась, пожалела этого мужичка и дала ему клубок: "Вот, говорит, иди, куда этот клубок покатится, а ты все за ним шагай, шагай, шагай, и он тебя приведет, говорит, на высокую гору. А ты, говорит, не бойся, все туда иди, иди. Пройти, говорит, очень трудная дорога, очень дальняя. Мне, говорит, на пути могут всякие препятствия встретиться. Вот, говорит, дойдешь, и дорога на три дороги разделится. Вправо пойдешь - смерть найдешь, влево пойдешь - тоже смерть угрожает, уродом будешь. А ты, говорит, иди прямо, там, говорит, всякие звери будут рычать, кидаться, а ты, говорит, не бойся, все иди, иди, иди, они, говорит, тебя все равно не потрогают, потому что, говорит, у тебя катится клубок. Это, говорит, мой посланец, они не имеют права, кто идет за клубком, потрогать. Ну, говорит, не ходи вправо и влево."

И вот он пошел. Действительно, дорога разветвилась на три части. И он вправо не пошел и влево, хотя там были лучшие дороги, а пошел прямо. И вот дошел до такого места, там зверье такое страшное! Они на него рычат, кидаются. Волки. Дальше пошел - там медведи. Дальше - там еще рыси. Страшно мужику идти, но все равно идет. Идет, идет, с ними обращается ласково. "Звери, не трогайте меня, я иду не вас бить, я иду по своим делам. Я иду к ветру, пожаловаться на ветер, почему он у меня муку из ведра выдул, почему моих детей голодом оставил. Я вас не хочу обидеть."

Все идет, идет, идет и, действительно, поднялся на такую большую гору. И сидит там такой не то как человек, не то как какой-то зверь. Толстый, щеки у него красные, глаза навыпучку и дуется, и получается ветер. Он пришел к нему и думает: "По ли ругаться на него, то ли ласково с ним обойтись". Думает: "Нет, руганью я тут ничего не сделаю, надо тут лаской." Подошел к нему, и упал к нему в ноги, и говорит: "Ветер, ветер, ты могуч, зачем же ты такой сильный, такой хороший, а оставил моих детей голодом? Зачем же ты у меня муку-то из ведра выдунул? Мне же детей кормить нечем, я же эту муку только у брата занял, чтобы детей покормить, а ты у меня и то взял."

Слушал, слушал ветер и перестал дуть, и стал разговаривать с этим человеком, с бедным человеком. И говорит: "Ну уж, раз ты ко мне так отнесся хорошо, раз ты меня назвал ласковым именем, а не обругал за то, что я у тебя выдунул, я тебе за это дам скатерть-самобранку. Вот иди, и своих детей будешь кормить, пока они не вырастут. А когда они вырастут, то эта скатерть уже не будет действовать, она уже потом износится, так что старайся, чтоб их воспитать хорошо, чтоб они все уже "встали на ноги", работали, а то потом не будет такого питания. Вот, понеси эту скатерть домой."

И он взял эту скатерть. Говорит: "Когда развернешь эту скатерть и скажешь, чтоб эта скатерть кормила, и там на столе будет пища, дети твои наедятся. А потом, говорит, снова завернешь. Но она, говорит, кормит только один раз в день, а остальное время вы должны работать сами и приучить детей к работе".

Ну, так он и сделал. Пошел, клубок у него обратно покатился. Он зашел к этой ведьме, на обратном пути, зашел к этой ведьме и сказал ей, поблагодарил ее, что она вот дала ему клубочек, что нашел он этот ветер, что он дал ему скатерть, которая будет кормить его детей. Вернулся домой, и, действительно, эта скатерть стала ему помогать в жизни, частично. Один раз в сутки она кормила, а остальное уже сами зарабатывали, тут и

дети подросли, стали работать. Ну, скатерть потом изнашивалась, ну, они научились сами уже работать. Стали жить-поживать и добра наживать.

Ореховая веточка

Вот, значит, в одном селении жил да был один дяденька, и было у него три дочери. Поехал он на базар и спросил, что ему купить. Одна заказала платье, вторая – красивый платок, а третья заказала ореховую ветку. И вот он купил одной – платье, другой – красивый подшалок, а ореховую ветку не нашел. Поехал домой. Едет, едет на лошади, оглядывается по лесу, и вдруг на дорогу наклонилась с дерева ветка. Он посмотрел, а на ней орехи. Вот, говорит: "Не эту ли ореховую ветку мне заказывала дочь?" Пошел в лес и срубил эту ореховую ветку. А как только начал рубить, вдруг медведь зарычал:

- Как ты смел срубить мою ореховую ветку?
- Это я, - говорит, - не себе, а для дочери.
- Ну, вот эта дочь пусть будет моей женой.

Мужик заплакал:

- Как же я ей скажу, что за медведя ее замуж отдам?

- А вот, - говорит, - так и скажи.

Ну, приехал домой, а дочери ничего не говорят. Прошел день, прошло два, а на третий день вдруг колокольцы раздаются, все посмотрели, а там на нескольких лошадях, как свадьба. И вылезает, в первой лошади как в богатой одежде (они думают, что в богатой одежде), а это был медведь. Пришел и говорит, что вот, я приехал за своей невестой, которая попросила ореховую ветку. Ну, старшая сказала: "Это не мне он рвал ореховую ветку." Вторая сказала тоже: "Не мне он рвал ореховую ветку." А третья призналась, что сорвал мне. Ну, говорит: "Вот и будешь моей женой. Если сейчас со мной не поедешь, то все равно умрешь, а если поедешь, то будешь моей женой". Ей было деваться некуда, она была вынуждена сесть в карету.

И он пригласил: "Сейчас у нас, говорит, - свадьба, отец с матерью пусть едут". Они запрягли лошадь, и поехали все. И вот ехали, ехали по темному лесу, он, значит, вышел, ногой топнул - земля растворилась, и они въехали в подземное царство. А в подземном царстве там было светло, дороги такие хорошие, на лошадях можно проехать. Все проехали, и раз свадьба, подъехали к церкви, и когда подъехали к церкви, как взошли на паперть, с него эта медвежья шкура спала. И он стал красивым молодым, и всем объявил, что это был он проклянутый старой ведьмой до тех пор, пока за него не пойдет какая-нибудь девушка, и он всех приманивал, старался, но вот только одна

согласилась на ореховую ветку, и пошла за него замуж, и он стал человеком. И, оказывается, он был сын короля какого-то, богатого человека.

И был пир очень большой, и я на этой свадьбе была, мед-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало. А со свадьбы дали мне шлык, да в подворотню меня швырк, да наградили еще короной. Шла я по лесу, положила корону под кору, да и теперь забыла, под которую, и щас хожу все ищу.

Про горшок

Вот жил-был старик со старухой. Он, значит, лапти плел, а старуха была ленивая - ничего не делала. Все только больше на печи лежала, поэтому они жили бедно. Ну, а когда стало уже лето, хлеб поспел, колосья, все равно есть-то хочется, она пошла и стала колоски обрезать. Колоски обрежет, принесет домой, кашу сварит из зерна. А старик все лапти плетет.

И вот однажды, она пошла за этими колосьями. А колосья-то срезать не разрешали все-таки, хлеб-то ведь хозяина, кто сеял, дак жалко было. Слышит - кто-то идет. Она спряталась за елку, а елка была широкая, большая, и сидит.

Смотрит - подошли двое мужчин. Подошли и тоже сели к этой же елке. И что-то достали из-под корня этой елки и говорят: "Скатерть, развернись!" - у них скатерть развернулась. "Молочко, налейся!" - молочко налилось. "Кашка, заварись!" - кашка заварилась. Они поели этой каши с молочком, похлебали: "Хлебушко, появись!" - хлебушко появился. "По рюмочке!" - и по рюмочке появилось.

Они, значит, наелись, опять это все свернули и опять спрятали под корень, и ушли. А старуха выглядела. Как они ушли, она схватила эту скатерть (она была завернута, как зонтик) и притащила домой, а старику не показывает. И говорит:

- Ступай, старик, куда-нибудь!

Он говорит:

- Да я щас пойду вон лапти продавать на базар.

Ушел.

Она достала этот зонтик как свернутый и говорит: "Скатерть, развернись!" - развернулась. "Молочко, налейся!" - молочко налилось. "Кашка, заварись!" - кашка заварилась. "Рюмочки, появись, бутылочка, хлебушко" - и все тут появилось, что она потребовала. Она наелась и опять ушла на печь, лежит. И все спрятала это от старика. Скатерть свернула опять обратно и спрятала.

Старик пришел, там денежек, сколько-то продал лапти, денежек принес, чаю купил да хлебушко купил.

- Иди, старуха, есть!

- Не, не хочу!

- Иди, старуха!

- Не, не хочу!

Не стала со стариком есть, так как она была сытая.

Вот уйдет старик или в лес, или на базар, она достанет эту скатерть, наестся, а старика не кормит. Старик думает: "Как это старуха у меня всегда сытая стала, чем она питается?" Чем-то она питается, и не стала ничего ни стряпать, ни варить, и старика не стала кормить совсем.

Сказал, что в лес уйдет, а сам на окно поставил доску с обратной стороны, залез на эту доску и смотрит в окошечко, что делает старуха. А старуха вытащила из голбца эту скатерть, поставила на стол и говорит: "Скатерть, развернись!" - скатерть-то развернулась. "Молочко, налейся!" - молочко налилось.

А у него доска-то возьми да и подломись под ним, и он полетел. Ну, старуха-то услышала, что там что-то застучало. И ему больше показаться то уж неудобно стало. Скорей-скорей прикрылся да и убежал, не показавшись старухе-то.

Пришел домой и говорит: "Старуха, тебя соседка в гости заказывала!" Ну, старуха пошла в гости.

А он достал эту скатерть, он знал, где она, он видел, откуда она взяла. Достал эту скатерть и говорит: "Скатерть, развернись!" Чу, пока он доставал да пока там, она в соседи-то. "Скатерть, развернись!" - скатерть развернулась. "Чашечка, появись!" - чашечка появилась. "Молочко, налейся!" - молочко налилось, а дальше-то не знает, что говорить. Молочко-то из чашки-то и побежало на пол, ну и на полу много налилось молока-то, он не знает, куда деваться. Залез, значит, это, на лавку - на лавки молоко добежало; он, значит, на голбец забрался и на голбце; он на печь - и до печи. Все, полный дом стало. Все молоко это и льется, и льется, и льется. Много все. Чу, он на полати, оно на полати, там все молоко добирается.

Той порой идет старуха. Как открыла на нее дверь-то, да как молоко-то на нее хлынет. Она че-то увидела и закричала: "Кашка, заварись!" И кашка и заварилась, и полный дом стал каши.

Чу, а старухе все-таки к старику-то охота как-то.

- Где ты, старик, живой?

- Живой!

- Чу дак давай, - говорит, - оттуда, ну, продай дыру!

И вот они, чтобы один к другому проест дыру, дак три года эту кашу ели, все ели, больше и не работали, ни че. Все этой кашей питались. Чу, по-

достатки-то уж потом, остальную-то лопатой выгребли, на улицу выбросили.

А люди все думают: "Как это они, где это они что берут?" Ну, потом добрались они до этой скатерти все-таки и стали питаться этой скатертью. Ну, а старику, конечно, не терпится, ему вот самому не хочется питаться, дак он собрал потом всех деревенских мальчишек, которые плохо питались, и стал их подкармливать. Всех людей, которые плохо жили, стал это, через эту скатерть подкармливать.

Ну, так они и дожили до старости. Уж потом кому эта скатерть досталась? Неизвестно.

Про горох

Ну вот, жил-был старик со старухой. Вот одно, старуха была такая навязчивая, и говорит старику: "Старик, посеяй горох! Старик, посеяй горох!" "А куда же я посею, земли-то нет?" Ну, она думала, думала, куда посеять, действительно, земли у них не было. И говорит: "Хоть в голбец, в голбце же есть земля",

Ну, он взял да и посеял горох в голбец. А горох рос, рос в голбце и до полу вырос, больше рас-

ти некуда. Старуха говорит старику: "Старик, проруби на полу дырочку. Старик, проруби на полу дырочку".

Ну, куда деваться от старухи. Взял и прорубил на полу дырочку. А горох рос, рос, рос и до потолка вырос. Ну, старуха опять пристаёт к старику: "Старик, проруби на потолке дырочку. Старик, проруби на потолке дырочку". Ну он взял и на потолке прорубил дырочку.

А горох рос, рос и до крыши вырос. Ну, старуха опять привязалась: "Проруби да проруби и на крыше дырочку". Ну, пришлось и на крыше прорубить дырочку. А горох рос, рос, рос, рос и туда, до небу, вырос. Да такой вырос горох-то хороший, цвету было много, а потом такой сделался стручистый. А как там стручки-то собрать, не знают. Ну, старик думал, думал, как горох оттуда собрать, и решил сделать высокую лестницу. Сделал большую, длинную лестницу и говорит:

- Ну, я по этой лестнице полезу.

А старуха говорит:

- Старик, возьми меня с собой, я тоже хочу за горохом.

Он говорит:

- Да куда я тебя возьму-то? Как я тебя возьму?

Ну, она думала, думала и говорит:

- Придумала!

Сшила большой белый мешок.

- Вот, - говорит, - я в мешок-то залезу, а ты его на плечо.

- Да как я тебя, руками-то надо же за лестницу держаться.

- А ты, говорит, мешок-то в зубы возьми.

Ну, он так и сделал. Взял мешок в зубы, мешок перебросил через плечо (а в мешке старуха сидит), а руками держится за лестницу. Стал залезать. Лез, лез, лез, высоко уже залез. Ну, старуха сидела, сидела да и в мешке-то пернула. А у него мешок из зубов-то и вырвался, от звука-то. Она по лестнице-то тор-тор-тор-тор и покати-лась обратно. Ну, и упала на пол. Старику че: или за горохом идти, или за старухой уж надо. Решил обратно слезть. Слез за старухой, смотрит, старуха стонет в мешке. Вроде уж ни жива ни мертва. Ну, старуху надо лечить. Пошел баню топить. Ведь все лекарство-то было - баня. Истопил баню, старуха постанывает, сел около бани, старуху к бане тут же притащил, а как парить? Сам не умеет. Ну, и бежит заяц, говорит:

- Че ты, старик, плачешь?

- Да вот, - говорит, - старуха, наверно, у меня умерла.

- А че ей сделалось?

- Да вот за горохом лазила.

- Ну, - говорит, - лечи что ли.

- А ты умеешь лечить?

- Нет, я не умею.

Бежит волк:

- Че, - говорит, - старик, сделалось?

- Да вот, старуха, - говорит, - ни жива ни мертва, вот упала с лестницы, за горохом лазили.

- Дак лечи.

- Дак я че-то не знаю, как ее лечить.

Бежит лиса:

- Че, - говорит, - старик, тут сидишь?

- Да вот, старуху бы надо в бане парить!

А лиса ведь она все равно обманчивая, хитрая, ну, говорит:

- Возьми меня, я, - говорит, - могу вылечить твою старуху. Чалей, - говорит, - побольше масла, кринку, хлебца получше, медку да чайку, дак я, - говорит, - там ее и попарю.

Ну, старик радехонек, все собрал, принес туда в баню. Ну, а лисе, конечно, и вовсе на старуху наплевать, лишь бы только самой поесть, попить. Поела, попила, на старуху внимания не обращала и кричит:

- Открывай шире двери!

А старик открыл шире дверь-то, а она оттуда выскочила и убежала. Ну, старуха так и осталась в бане. Ну, старик пришел, конечно, давай уж сам ее мыть, да парить. Ну, попарил, помыл, и старухе полегчало. Да ей все говорил:

- Вот, не будь такая вредная. Я же тебе говорил, что не надо горох сеять. Вот, смотри, мы и дом-то с тобой весь изрубили.

Ну, старуха сказала, что она больше не будет так делать и будет подчиняться старику. Ну, и стали дальше жить-поживать.

У них мальчишек и одна девочка...

У них было семеро мальчишек и одна девочка. Ну, так как была большая семья, матери было очень трудно, и она что-то вскоре заболела и умерла. А старик стал совсем старый, немощный, все делала вот эта девочка по дому, и стирала, убирала, а мальчишки работали. Ну, а старик все-таки еще вздумал жениться, хоть и старый был. Привел себе в дом еще женщину. А эта женщина не полюбила детей, так как они все делали сами уже. А ей хотелось быть хозяйкой. Не полюбила этих детей, и прокляла этих парней, и они превратились в воронов, и улетели из дома. А девочка только уж потом заметила, когда стая ворон полетела.

Ей было жалко братьев, было одной скучно дома, она, значит, решила их идти искать. И вот, не сказала дома ни отцу, ни матери, собралась, белый платочек одела, продуктов немножко взяла.

И пошла. Ишла, шла, шла, лесом все шла, не знает, куда, куда идти.

И стоит в лесу избушка на куриной ножке и туда-сюда поворачивается. Подошла она к этой избушке, а избушка от нее отвернулась, подошла с другого конца, а избушка в другую сторону повернулась. Села она под окошечко этой избушки, заплакала.

- Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом. Я ведь пришла с добрым намереньем, я расскажу все о своем горюшке.

Ну, избушка повернулась, и вышла оттуда женщина: нос длинный, сама косматая. Но девочка не испугалась, а припала к ней и говорит:

- Милая женщина, вот была у меня мама, она умерла, а отец вот женился, взял другую маму, а другая мама не полюбила нас, и прокляла моих братьев, и они превратились в воронов, и куда-то улетели, а я хочу их найти.

Ну, пожалела Баба-Яга эту девочку и говорит:

- Ладно, я тебе помогу, потому что ты, говорит, со мной очень ласковая, очень добрая. Вот, говорит, я тебе дам клубок, куда этот клубок покатится, ты, говорит, все за ним и иди.

Отпустила она этот клубок. Клубок катится, нитка тянется, а она все за клубочком шагает и шагает, шагает и шагает. Сколько она шла, сколько ночей и дней; посидит, поест, что у ней

было, и снова шагает. Далеко-далеко ушла. Там уж стало ни людей, ни жилища, какое-то пустое такое поле, только полынь там растет да лебеда. И солнышком ее жжет, жарко, пить хочется, но она все равно шагает, пока клубок катится, смотрит - клубочек все меньше да меньше, все меньше да меньше. И думает: как я буду, если вот он совсем потеряется, куда же пойду, мне теперь уж и не найти дорогу-то будет, и, поди, никогда братьев-то своих не найти. И вот идет, идет, и так устала, села отдохнуть, а клубочек совсем уже маленький. Села отдохнуть и незаметно уснула. А пока она спала, в это поле прилетело семь воронов. Смотрят, что же это? Мы раньше тут летали, никогда не замечали, что тут девочка бывает. И кто это такая, эта девочка? С той стороны залетят, посмотрят, с другой стороны посмотрят. А один и говорит:

- Так это не наша ли сестричка? Да нет, не наша, если бы наша была, я бы ее по ручкам определил, что это наша сестра.

Второй говорит:

- Да это ручки-то нашей сестры.

Третий говорит:

- А вот я бы по ножкам определил.

А четвертый говорит:

- Да это ножки-то нашей сестрички.

А пятый говорит:

- А я бы вот по головке, по волосикам определил.

А шестой говорит:

- Да, действительно, это, говорит, ведь волосики-то нашей сестрички.

А седьмой говорит:

- Я бы вот ее определил по глазкам. У нашей сестрички голубые, красивые, открытые глазки.

А тут она и проснулась, и открыла эти глазки. Они все сразу увидели, обрадовались, что это ихняя была сестра. А она тем более, увидела их, но сначала она, конечно, думала: братья или не братья. Что это, только видит, что это птицы, но вспомнила, что она, когда улетали они, каких-то она птиц видела. Все равно она так обрадовалась, а они еще пуще, и вот с радости все запрыгали, запрыгали, закричали, и шкура с них спала эта, проклятая. И они сделались такими красивыми мальчиками, как они и были. Все стали между собой целоваться, миловаться. Эту девочку взяли на руки, она говорит:

- Пойдемте домой.

А они говорят:

- Нет, мачеха там дома, нас снова проклянет.

Она говорит:

- Нет, я теперь не дам, теперь уже это.

И вот они идут, идут, идут все обратно по этой нитке. И опять, снова пришли к этой избуш-

ке. А избушка эта опять туда-сюда вертится. А эта девочка говорит:

- Избушка, избушка, повернись к лесу задом, к нам передом.

Ну, избушка повернулась. Она говорит:

- Вот тебе спасибо, я принесла, благодарность, что ты мне дала этот клубочек. Вот он клубочек, мы его свернули, обратно принесли. Вот, нате. Они свертывали обратно нитку-то, обратно вам клубочек.

Поблагодарили эту Бабу Ягу, она тоже была очень рада, так как Бабу Ягу многие люди не любят, все и называют ее Баба Яга, а они не называли ее Бабой Ягой, а просто называли: милая наша женщина, как мама ты нам, ты у нас вместо мамы. Ну, она сказала, что ладно, раз вы меня так ласково зовете, раз ко мне хорошо относитесь, то больше вас мачеха не сможет проклясти. Вот здесь дом недалеко, вот дорогу знает эту уже девушка, давай идите домой и живите.

И они ушли домой и стали жить-поживать, и мачеха их больше не обижала.

Жил-был старик

Жу вот, жил-был старик со старухой, у них ребят-то было много-много: семеро. И всех надо было кормить, всех надо было поить, одевать. А год-то был голодный. Вот они жили-жили, да че-то и старухе-то тоже пришло на ум. Говорит: "Надо ребят-то как-то это". Видимо, я вот точно не знаю, она, видимо, все-таки была не родная, родная бы так не сделала, не родная была у них мать-то. Ну вот, она сказала старику, говорит: "Отведи этих... ребятшек-то в лес и оставь там."

Все ребята спали, а вот самый маленький мальчик, он не спал, он и выслушал, что хотят их в лес отвести, он побежал на речку и полный карман набрал камешков.

Отец сказал: "Сегодня пойдем в лес дрова рубить". И повел их. Сначала дрова рубил вместе с ними, а потом, елочка за елочку, лесинка за лесинку, да и убежал от них и оставил их в лесу.

Ну, они смотрят, кричали, кричали: "Тятя, тятя!" А он и голос не подал - он уже убежал.

Тогда они это, заплакали все: не знают, куда деваться. А этот мальчик, он был очень маленький, его звали мальчик-с-пальчик, он говорит:

- Не плачьте, братья, я дорогу знаю,
- А как? - говорят.

- А я, - говорит, - шел сзади всех и все из кармана камешки выкладывал на некотором расстоянии. А теперь по этим камешкам и дорогу найду.

И стал: один камешек нашел, второй, третий и пошел впереди всех, и по этим камешкам всех вывел домой.

Пришли они поздно домой, ночью. Сели на завалинку и сидят.

А старик и говорит старухе:

- Напрасно я свел ребят-то в лес, они, поди, там замерзли, плачут, поди.

Ну а старуха, она не любила детей, она говорит:

- Да нет, не замерзли, ничо твоим ребятам не сделается.

А ему все равно жалко, он заплакал. А они говорят:

- Не плачь, отец, мы здесь.

Ну, он вышел, пустил их в избу.

Долго ли, коротко ли прошло. Опять старуха говорит:

- Старик, отвези детей в лес, не надо мне их, не люблю я их, не могу на них смотреть, кормить у меня их нечем!

Ну, опять старик повел в лес. А этот выслушал, мальчик-то. А дали они им по кусочку хлеба. А мальчик-то взял да хлеб-то все стал кидать по кусочку, сзади шел дак, сам-то не съел.

Зашли в лес. Он опять там сначала-то рубили, потом елочка за елочку, пихтушка за пихтушку да и убежал от них. Они остались в лесу, не заметили, когда он ушел. Опять заплакали:

- Как мы теперь дорогу найдем, как мы выйдем?

А мальчик-с-пальчик говорит:

- Ребята, не плачьте, я дорогу найду! Я, говорит, хлебушко кидал на дорожку!

А стал искать кусочки-то, а кусочков-то нет на дорожке: птицы все склевали, хлеб-то. Вот и он вместе с ними заплакал:

- Да, говорит, я ошибся, потому что хлебушко-то птицы склевали.

И стали они по лесу ходить, дорогу искать. Ходили, ходили, искали, искали. Замерзли, найти ничего не могут.

Смотрят, вроде какая-то избушка, и маленький огонек светится. Они пошли к этой избушке. Подошли поближе, сели - слышат, кто-то там в избушке шевелится.

А вышла из избы женщина, красивая, аккуратная. Увидела этих мальчишек и говорит:

- Мальчики, зачем вы сюда пришли? Здесь близко нельзя, здесь живет людоед.

Ну, они говорят:

- Да нам куда деваться, нас все равно волки съедят. Пусть уж тогда людоед, может, подавится, не съест.

Чу, она пожалела этих мальчишек, привела в комнату. Напоила их, накормила, обогрела да и спрятала под кровать. Сидят они.

- Чу, - говорит, - ночь-то сидите, а завтра, говорит, я вас днем провожу, чтобы вас не было.

Плут и прилетел огненный такой змей ли кто, он летал все, людоед. Говорит:

- Фу-фу, русским духом пахнет.

Она говорит:

- Да-к ты налетался по Руси-то там, может быть, от тебя и пахнет Русью-то!

- Нет, кто-то тут есть!

- Нет, никого у меня нету!

- Напой меня, накорми.

Чу, он сел, она ему принесла есть, а он так много ел! Прямо целого барана сразу съел, ну пива выпил ведро. Чу, и уснул, тут же за столом развалился, чуть не рядом с этими парнями на полу.

Парни испугались его. "Ночью-то, нет, - говорят, - пока он утром проспится, да-к, может быть, это, нас увидит так съест - он такой жадный!"

Решили бежать. Вышли на крыльцо, ну стали свои ботинки-то там, у кого что есть, одевать. А один парень сунул ноги-то, да не в свои ботинки-то, а вот в это... этого людоеда. А они, видимо, были такие скороходы, какие-то. Вот и полетел. Говорит: "Держитесь, парни, все за меня!" И они

все за него поймались, и его понесло по воздуху. Высоко поднялись они. Вот он командует: "Ветер могучий, несите меня домой, нас домой, домой!"

Ну и вот, ветер с этими скороходами...

А он проснулся, он проснулся, хватился, скороходов-то, нет. Он заругался на эту женщину-то: "Кто у тебя был, кто мои скороходы надел?!" Надел другие скороходы и побежал догонять.

И вот-вот догонит, вот-вот летит уже взади этих мальчишек. А мальчишки только и думают: "Скорей бы, скорей бы только прилететь бы домой!" Ну, прилетели, не успел он их поймать. Видит, что уже они в деревне, в своей - вернулся обратно.

А они, значит, прилетели домой. И опять сели под эту, под окошечко, и сидят, плачут. А старик услышал: кто-то всхлипывает, вышел, а там дети. Снова обрадовался, опять их пустил домой.

Ну вот, они, значит, живут теперь, уже подрастают. И вот им хочется эту женщину поблагодарить, которая их спасла. И не знают, как людоеда победить. Думают, как это сделать, как бы этого людоеда победить? И все-таки на это..., оружия у них никакого нет, а думают: "Все ж как-то бы это надо сделать".

Ну и пошли в лес. И опять же вот пришли к такому домику, а там какой-то жил добрый человек, такой старичок седенький. Они к нему обра-

тились и рассказали о своем. Как их мачеха не любит, как она их в лес провожает, как отец слушается мачехи, как их оставляет, и как их спасла вот добрая женщина от людоеда.

"Нам бы, - говорят, - поблагодарить или выручить бы эту женщину. Ведь мы думаем, что она ему не жена, а что он ее, наверно, приволок откуда-то. И так же, как вот и нас, хотел съесть, а ее вот когда-нибудь, поди, съест". Ну, это, старик, значит, старичок им сказал: "Ладно, я вот вам дам гребень и покажу дорогу. Вот, говорит, вы когда придете к этому домику к людоедскому, он, говорит, не всегда дома бывает. Вы, говорит, послушайте, если его дома нет, то заходите."

Тогда они пришли к этому домику и эту женщину увидели. Поблагодарили ее, что она их спасла, и сказали, что они пришли за ней. Она заплакала:

- Что, я ведь, - говорит, - давно в этом вот царстве у него живу. Я совсем не хочу у него жить.

Ну, они говорят:

- Давайте пойдёмте с нами, мы тебя выручим.

И побежали.

Только как побежали, а людоед-то прилетел откуда-то, хватился, женщины-то нет. И сразу по запаху определил, что русским духом пахнет, что кто-то был, и что это кто-то женщину забрал, и побежал за ними. У него ботинков-то, ботинков-то

уже скороходов не было тех настоящих, которые были первые, а вторые-то уж, они не такие, как были. Вот они бежали, бежали и бросили тот частый гребешек. И вырос, вырос высокий-высокий лес, что ему ни пройти, ни проехать, ни пролететь, а сами дальше бегут. Вот он и остался у этого леса.

Они привели эту женщину домой и сказали, что эта женщина будет ихней мамой. "А мы не хотим с этой жить, с мачехой!" И вывели они, выгнали они старика с этой старухой из дома, а сами стали в доме жить с этой женщиной, жить-поживать да добра наживать.

Про Буренушку

Жил-был старик со старухой. Была у них доченька Машенька. Старуха-то умерла, а старик-то взял другую жену, да с двумя дочерьми. Другая старуха своих дочерей любила, а Машеньку - нет. Своих дочерей отпускала гулять, работать не заставляла, а всю работу выполняла по дому Машенька.

Она и стирала, она и полы мыла, она и скотину кормила; а дочери у ней только гуляли, играли, а Машеньке тоже хотелось поиграть, но она

ее никуда не отпускала, а тех на вечерки отпускала.

Не вечеровать ходили к подружкам, к остальным подружкам. А Машенька попросилась:

- Отпусти, - говорит, - меня, мама, тоже на вечерки.

Ну, она говорит:

- Ладно, иди, только вот я тебе кудели дам, ты ее всю опряди, чтоб там меньше у тебя осталось времени на игру.

Ну, она взяла эту куделю, а кудели было много, где же ее вечером опрядь, там уж вовсе времени не останется поиграть. Зашла с этой куделей во двор, а во дворе там - корова, Буренушка. Она, эта Буренушка, еще при родной матери жила и была любимицей у этой Машеньки. Обняла она эту Буренушку за шею и говорит:

- Буренушка, матушка, как мне тяжело жить. Не любит меня мачеха, все-то меня заставляет делать: я и полы мою, я и стираю, я и варю. А у ней дочери все только гуляют да бегают. Она вот их на вечерки отпускает и работушки им не дает, а меня вот на вечерку отпустила, дак вот кудели столько дала, чтобы я ее опрядла. А если не опряду, она меня бить за это будет, ругать будет, больше никуда не отпустит.

Ну, Буренушка и пожалела ее, говорит:

- Ладно, Машенька, не плачь, давай куделю, толкай ко мне в рот, а из уха клубочки мотай.

Корова стала эту куделю жевать, жевать, и превратилось все это в какое-то месиво, потом получилось, значит, это, нитки, из ушей она стала доставать, стала клубочки мотать, мотать, намотала несколько клубочков, в фартук положила, сняла фартучек с себя, под крылечко спрятала, а сама побежала играть.

Такая была веселая, так ей понравилось на этих вечерках, там и играли, и песни пели, и парни были. А когда стали расходиться, она взяла фартучек с клубочками, принесла домой.

- Вот, - говорит, - я на пряла.

Ну, мать:

- Молодец, - говорит, - хорошо, много ты сделала, ладно. Можно, говорит, может быть, тебя и на следующий раз отпустить.

Опять все ходят на вечерки, а мачеха ее не отпускает. Она бы попросилась:

- А мне можно сходить?

Ну, она:

- Иди, вот тебе кудели, - а дала еще больше и сказала: "Не только клубочки принеси, а моты смотай!"

Пошла она к Буренушке, упала на шею, заплакала:

- Вот, Буренушка, отпустили меня погулять, а опять мне работы дали столько много. Где же я столько на пряду да в моты смотаю, как это я все сделаю?

А Буренушка говорит:

- Не плачь, Машенька, давай толкай мне в рот.

А она толкала ей в рот все это, а сама только моты мотает. Смотрела все и опять в фартучек завернула, под крылечко спрятала и побежала играть.

Так ей там понравилось, даже парень один очень понравился, он за ней стал ухаживать. Ну, а когда стали домой расходиться все, и она тоже пришла. Моты забрала, принесла матери. Ну, мать похвалила, а на следующий вечер уже сама посылает, так как она ей много приносит пряжи, говорит:

- Давай иди, говорит, и не только моты смотай, а холсты вытки.

Ну, она думает: "Как это я холсты вытку? В один вечер напрямь все из кудели, все сделать и холсты соткать?"

Пошла опять к Буренушке. Буренушка говорит:

- Да не плачь, я тебе помогу!

Ну, опять она ей кудели затолкала.

- А ты, - говорит, - холсты складывай из ушей.

Она холсты только складывает. Опять смотала эти холсты, спрятала под крыльцо, а сама побежала играть.

Поиграла там, а парень этот даже ее стал сватать.

- Замуж, - говорит, - ты понравилась мне очень, вот давай я тебя замуж возьму!

Она говорит:

- Меня же не отдадут замуж, ведь я в семье все делаю, все помогаю всем, меня не отпустят замуж.

Ну, принесла эти холсты, а понравилось матери: что дочерей не надо заставлять прясть, самой не прясть, уже готовые холсты. На следующий вечер она снова посылает:

- Иди, - говорит, - вот на, а теперь сделай не только простые холсты, а с рисунками.

Она опять пошла к Буренушке, а мать следит за ней. Куда это? Все равно это ей самой так не сделать, кто-то ей помогает. Следит и видит, что это Буренушка ей помогает. Ну, на следующий день говорит своему старику:

- Говорит, давай Буренушку зарежем!

Он говорит:

- Ты че, баба, белены объелась? Как же это мы без Буренушки-то жить будем?

- Да нет, - говорит, - я, говорит, от такой коровы даже и молоко не хочу есть, не надо мне такую корову!

Ну, спорила, спорила и переспорила старика. Старик решил зарезать эту корову. А Ма-

шенька выслушала, пошла к Буренушке, упала ей на шею и говорит:

- Буренушка, матушка, тебя зарезать хотят. Я вот выслушала, вот она сказала, что не будет даже твое молоко есть.

Ну Буренушка говорит:

- Ну что, я теперь уж все равно старая, пора б мне и умирать, все равно когда-то смерть должна прийти! Ты, говорит, не расстраивайся, пусть меня зарежут, только, говорит, ты все косточки мои собери в лукошечко и под окошечко закопай.

Ну, она так и сделала: они мясо едят, а она под столом всегда сидит, все косточки собирает. Собрала все косточки в лукошечко и тайком от всех под окошечко закопала. А через некоторое время под окном вырос сад. Всякие фруктовые деревья: яблони, вишни, сливы, что только нет. И вот, когда мачеха посылает ее что-нибудь сделать, она идет в этот сад. А в саду ей эти деревья все помогают, птицы. Все ей делается легко, само как-то быстро все делается, она все делает, и яблоки наклоняются, чтобы она взяла в руки их, чтобы она их съела. А как только зайдут сестры в этот сад, сучья все вверх поднимутся, ни одно яблочко им не достанется. А птицы напускают на них прямо, на головы им, на руки. Некоторые даже нахальные птицы прибегут, клевать их начнут. И они боялись даже в этот сад ходить. Ну,

мачеха наблюдала, наблюдала, видит, что ее дочерей этот сад не любит, и говорит опять старику:

- Давай Машеньку отдадим замуж, пусть она уйдет, а сад останется нашим девочкам, и что наши девочки будут ходить и всю работу будут выполнять легко!

Ну, старик согласился отдать Машеньку замуж. А тут и у них же жених есть, который ее полюбил. Ну, а жених этот жил где-то дальше от них, не рядом, в конце деревни.

Ну, соорудили небольшую свадебку, а когда от венца везли эту Машеньку с этим женихом, Машенька была согласна выйти за него замуж, она его тоже полюбила, этого парня. А когда везли от венца, уже в тот дом, и сад взади свадьбы пошел, все деревья пошли, пошли, пошли, и где она стала жить, и этот сад стал расти под ее окном. А там мачеха осталась и без Машеньки, которая выполняла всю работу черную по дому, и без сада, который помогал Машеньке во всем.

И остались эти дочери только при своей мачехе. И пришлось им все выполнять, всю работу самими.

Про Лутонюшку

Жу вот, жила-была одна женщина, одинокая, и был у нее сын. И сына звали Лутонюшка. Женщина была очень красивая, работающая, а сын еще того красивей. А жили они на берегу, около большого озера.

И Лутонюшка соорудил себе лодку и стал на озере рыбу ловить. Это занятие ему очень понравилось, понравилось занятие это его и маме, так как он много ловил рыбы. Привозил эту рыбу и отдавал маме.

Но так как сэкономить время, иногда мама утром рано напечет пирогов да шанежек, да и пойдет к Лутонюшке, на бережок. Придет, а иногда Лутонюшка далеко в озере. И начнет его кликать:

"Луты-луты, Лутонюшка!

Приплыви ко мне;

Кашка масляная,

Ложка крашеная!"

Ну, иногда Лутонюшка услышит, а иногда и не услышит, она снова закричит:

"Луты-луты, Лутонюшка!

Приплыви ко мне;

Шаньги масляные,

Пирожки квашеные!"

Ну, Лутонюшка порой и услышит, прислушивается. Приплывет, отдаст ей рыбы ведро, поест у ней тут и опять уплывет.

А она приходит домой, приберет эту рыбку, часть сварит, часть соседям снесет, так как она любила и соседей всех. Ну, а что лишнее и продаст, у ей денежки будут. А на второй день снова идет к Лутонюшке днем-то. Он утром рано уходил на работу. Надо же его покормить. Опять кличет:

"Луты-луты, Лутонюшка!

Приплыви ко мне;

Кашка масленая,

Ложка крашеная!"

Ну, Лутонюшка и приплывет к ней. Опять они обменяются: она ему пирожки да шанежки, да кашку масленую, да молочка бутылочку, а он ей рыбы ведро.

И вот тут на берегу недалеко жила одна женщина, ведьма так называемая. Она и подслушала. И позавидовала. А у этой ведьмы была дочь. Вот захотелось ей этого Лутонюшку съесть. Она выслушала, как мама его кричит, тоже пришла пораньше мамы да и кричит:

"Луты-луты, Лутонюшка!

Приплыви ко мне;

Кашка масленая,

Ложка крашеная!"

А Лутонюшка думал, что это мама кричит. Приплыл, а она его цап-царап в мешок, так как она была сильнее его, а Лутонюшка еще был недоросток. И утащила домой. Утащила и закрыла его, никуда не отпускает. И в тот же день велела дочери жарко истопить печь, чтобы изжарить Лутонюшку и съесть. Istопила дочь печь и говорит: "Иди, Лутонюшка, садись вот на лопату, я тебя в печь посажу." Ну, куда Лутонюшке деваться, пришлось сесть на лопату. Сел он на лопату, а ноги, одну сторону вправо, другую влево, руки тоже, то, вверх поднял. Толкала, толкала она его на лопате, никак не может затолкать его в печь, говорит:

- Так, Лутонюшка, ты что так-то, ты свернись так, как кошечка.

Он говорит:

- А я не умею, покажи мне как, как кошечка.

А она говорит:

- Так вот так! - и легла сама на лопату-то и свернулась.

А он взял лопату-то, швырк в печь-то и закрыл заслонку-то, и припер. Вот там ведьмина дочь и изжарилась. А сам-то хотел убежать, но кругом все закрыто. Все, некуда убежать! Убежал на полати, спрятался в угол и лежит.

Пришла ведьма.

- Ну, пахнет хорошо, вот я щас позавтракаю.

Раскрыла печь, достала и начала есть. Члелась досыта и катается по полу:

- Эх, покатайся бы мне, поваляйся бы мне на Лутонюшкиных-то косточках!

А Лутонюшка с полатей не вытерпел и говорит:

- Покатайся-ка, поваляйся-ка на дочериных-то косточках!

Она услышала, посмотрела, покликкала и правда, дочери нет. Ну, думает, ладно, пуще того рассердилась на Лутонюшку:

- Изжарю я тебя, съем за это еще больше!

Опять жарче того печь натопила. Лутонюшку поймала, сбегать ему некуда. Опять:

- Садись на лопату.

Он сел, опять точно также ноги в одну сторону раскрыл, в другую ногу, руки вверх поднял. Она его толкала, толкала, никак не может затолкать туда в печь. Говорит:

- Дак, Лутонюшка, что это такое, неужели ты не можешь свернуться, как кошечка?!

- Это как, как кошечка? Я не умею.

- А вот так.

Он говорит:

- Ну, покажите, как это?

Свернулась ведьма на лопате, а он швырк ее туда и затолкнул. Ну, а сам закрыл заслонку покрепче, знает, что в доме больше никого нет. Тогда уж он стал коверкать, ломать, выдергивать. Освободился и прибежал домой к маме. Ну, мама была очень рада, что сын ее вернулся. Да

еще после того рассказал, что он так, у ведьмы был, да что вот он справился с ведьмой и с ее дочерью. Она его одобрила, похвалила. Ну, на речку боялась отпустить, пока не подрастет. Он немножко подрос и снова стал рыбу ловить. И стали они жить-поживать и добра наживать. На том и сказке конец.

Про Ванюшку

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил да был старик со старухой, и был у них сын Ванюшка. Заболела у них старушка и умерла. А старик взял другую жену с двумя мальчиками. Новая мама любила своих сыновей, а Ванюшку нет, обижала его и пищей, и работать заставляла больше, чем других. И выросли дети, и стало им лет по двадцать и больше. Провели они посев, и мать им сказала, пока делать нечего, поезжайте в город, заработайте деньги, нынче зимой вас женить будем. Купите для себя брюки, рубашки, фуражки и для будущих невесток подарки. Стала собирать их в путь-дорогу. Папекла им пирогов да шанег. А Ванюша все это слышал и знал, ему тоже хотелось заработать денег и купить для себя наряды и для невесты.

Мать сказала: "Ты будешь чистить двор, пасти скот, помогать в хозяйстве". Ванюша заплакал. Пожалел его отец и сказал: "Ладно, Ваня, поди вместе с братьями. А я за тебя здесь буду работать". И Ваня пошел с братьями. Но еды ему мать не собрала в котомку. Или они, или, устали, сели, поели, а у Вани нечего есть. Пошли дальше, или, или, ночь стала. Костер разожгли, поели, переночевали, дальше пошли, а у Ванюши нечего есть. Так и на второй, и на третий день. Не вытерпел он и попросил у братьев: "Дайте хоть один пирожок". Они дали ему половинку и дальше пошли. Или, или, и дальше пошли, и стали обедать. Ваня опять у них попросил шанешку. "Сколько ты будешь выпрашивать у нас? Зачем ты за нами идешь?" Набросились и избили его. Глаза подбили, он не стал видеть. Они от него убежали.

Остался Ваня лежать, так как не видел, куда идти. Ели его комары, мухи. И прилетели три вороны. У него даже спичек не было костер разжечь. Лежит он, поджидает себе смертоньки, прислушивается ко всему. И слышит, какие-то птицы прилетели и сели на какое-то дерево. Одна говорит: "Кар. Я новость знаю. Есть город, где нет воды. Люди копают колодцы, но воды не достанут. Все хотят пить, но умирают с голоду". Вторая птица: "Кар. Я, говорит, тоже новость знаю. Заболела у царя дочь. И кто ее вылечит, такой приказ издал царь, и в приданое половину своего владения. И ко-

гда умрет, передаст все владения". Птица: "Кар. Вот тут недалеко есть живая вода. Если кто-то капнул бы ее в колодец, появилась вода. Если дал бы капельку царевне, она бы поправилась". Все это выслушал Ванюша. Птицы улетели. Стал Ванюша шлепать по земле, руками искать воду, круг проползет, другой проползет. И нашел эту воду. Помочил себе один глаз и стал видеть, помочил второй, и второй стал видеть. Он умылся этой водой, и у него сошли все синяки. И он понял, что это та вода, о которой говорили птицы. И ему захотелось помочь людям. Как взять этой воды, в чем нести? Он ходил, придумывал, искал, нашел желудь, достал зернышко и в эту желудку набрал воды, закрыл ее пальчиками и пустился в путь.

Долго ли, коротко шел, спрашивал у людей и зашел в этот город. Шагал-шагал по дороге, видит, лежит мышь, задавленная колесом. Жалко ему стало, и он ее капнул этой водичкой, и мышка ожила. Спросила: "Как тебя, молодец, зовут?" Она поблагодарила: "Спасибо тебе, Ваня, и когда потребуешь, ты меня позови". Он спросил: "Как тебя позвать?" Она сказала: "Пи-пи-пи... И я приду".

Шел, шел. Устал, сел отдыхать на обочину дорожки, а на цветке ползает пчела без крылышек, кто-то крылышки объел. Жалко ему стало пчелку, он и ей дал водички, у пчелки крылышки выросли. Она тоже поблагодарила Ванюшу и сказала: "Если

я тебе буду нужна, позови". "Как тебя позвать?", "Скажи «жу-жу-жу», и я прилечу".

Идет Ванюша дальше и слышит, кто-то стонет. И он увидел за стогом сена волка. Его кто-то ранил, и он не мог ходить, он взял и тоже водичкой помазал волка, и волк поблагодарил его и сказал: "Если я потребуюсь, ты меня позови". "Как тебя позвать?" "Скажи у-у-у, и я прибегу".

И пошел дальше, и нашел этот город, где нет воды. Люди копают колодцы. Дети и женщины плачут, все просят пить, а воды нет. И он подошел, поздоровался с ними, спросил, почему они не могут найти воду, и сказал: "Сейчас будет вода". Капнул в колодец, и колодец стал наполняться водой, и даже через верх, образовался ручеек, из ручейка небольшая речка. И люди прямо пали на колени и пили эту воду, пока не напились. Прибежали все животные, стали воду пить. Стали домой воду носить, стариков, малых детей поить. И стали все просить Ивана, чтоб он остался жить в этом городе, они построят дом для него, найдут невесту, справят большую свадьбу. Только чтоб он жил в этом городе, и всегда была вода. Поблагодарил он, сказал, что ему еще работа есть, и пошел дальше.

И нашел тот город, где жил царь. А там кругом висели объявления, кто вылечит царскую дочь, ее за того отдадут замуж и полцарства в приданое, а когда царь умрет, он будет царем. Он

попросил, что он может вылечить дочь. Ему не поверили. Врачи, доктора были, а ты такой проходной. Он сказал: "Вылечу. Проводите меня в ту спальню, в которой она лежит". Чтоб оставили его там одного. И он остатки воды дал ей попить, умыл ее этой водичкой. И царская дочь зашевелилась, открыла глазки. А была она очень красивая, и Ванюше она понравилась. Он стал с ней разговаривать, и она полюбила его. Она знала об этом, что отдадут замуж. Я буду твоей женой.

После этого стали собирать свадьбу, стали показывать людям жениха царя. И при этом показе увидели его братья. Они были в работниках у этого царя. Они Ванюше не сказались, а пришли к царю, упали на колени и сказали, что они знают этого парня, что он колдун. Делали они это из-за зависти, не хотели, чтоб ихний Ванька стал царским зятем. И сказали, что он может сделать то, что он хочет. Вот, например, там скирды стоят, что он может обмолотить в одну ночь.

Вызвал его царь к себе и сказал, что я не хочу отдавать за тебя свою дочь. "Вот если ты обмолотишь в одну ночь эти скирды - тогда отдам. А не то мой меч - твоя голова с плеч".

Заплакал Ваня, пошел домой. Ушел от царя и все думал, как обмолотить эти скирды. Вспомнил про мышку, сказал "пи-пи-пи". Прибежала мышка: "Что тебе надо, Ваня?" "Мне надо обмолотить скирды". Она сказала: "Вставай завтра по-

ране, иди на ток, бери лопату и загребай зерно". Она побежала, закричала: "пи-пи-пи", и собрала всех мышек. Обмолотили это зерно. Зерно в одну кучу, солому в другую. А утром Ваня подгребал лопатой зерно.

Царь увидел это, понравился ему зять, и снова стал он готовить свадьбу.

И снова пришли братья к царю и сказали: "Не отдавайте дочь, что он колдун, что он похваляется построить восковый замок".

Вызвал его царь к себе и сказал, что я не хочу отдавать за тебя свою дочь. Вот если ты построишь в одну ночь восковый замок - тогда отдам. А то мой меч - твоя голова с плеч.

Заплакал Ваня, пошел, вспомнил про пчелку и сказал "жу-жу". И прилетела к нему пчела. Он рассказал, что надо построить восковый замок. Она сказала: "Вставай утром пораней и поколачивай зауголки молоточком".

А утром проснулся царь, увидел замок и вспомнил, что давал такой приказ. И стал снова готовить свадьбу.

А братья снова явились на поклон царю и сказали: "Не отдавай дочь, что он похвалялся собрать всех зверей".

Царь его вызвал: "Соберешь зверей - отдам дочь. А то мой меч - твоя голова с плеч".

Заплакал Ваня, пошел к лесочку. И вспомнил про волка, сказал "у-у-у". Волк прибежал: "Садись на

меня, держись за уши". И повез его в лес. Там было дупло: "Слезь с меня, возьми с этого дупла плетку и трубу". Он слез, взял, и снова сел на волка. Волк побежал по лесу. Ванюша заиграл в трубу, защелкал плеткой и всех зверей пригнал к царскому двору. А звери были злые, друг друга кусали, визжали. И царь проснулся от этого шума и закричал: "Отгоните этих зверей обратно". Иван сказал: "Нет, не отгоню, пусть они разорвут тех людей, которые приносили вред, которые наговаривали на меня. Не выдашь - тогда я зверей не разгоню".

Царю было деваться некуда. Он своих работников показал Ване. Он в этих людях узнал братьев. Они упали на колени перед ним и попросили у него прощения. И царь восстал за них: "Прости их, Ванюша, что я отдам за тебя дочь и соберу большую свадьбу, и когда умру - будешь царем". И согласился Ванюша не убивать братьев, и была веселая большая свадьба.

И я там была, мед-пиво пила, по усам бежало, да в рот не попало. И дали мне на свадьбе в подарок шлык, да оттуда меня - швырк. И пошла я в лес с этим шлыком. Села отдыхать. Его положила под кору, и теперь не знаю, под котору...

Про Снегурочку

Жу, жил-был старик со старухой, а детей у них не было. А раз нет детей, значит, нет и внуков. И вот, как же бы это им? Все-таки хоть бы дочь или внучка приобрести. Взяли пошли да из снега себе и склеили. А когда сели обедать, вдруг в комнату и заходит девушка и говорит:

- Папа, мама, я тоже есть хочу.

Они обрадовались, что их назвали папой и мамой.

- А кто, - говорит, - ты такая?

- А я, - говорит, - Чюрочка-снегурочка. Вот из того-то вы склеили щас из снега.

Они тем более обрадовались. Посадили ее за стол, не знают, чем ее и напоить, чем и накормить, все угощения перед ней переставили.

И стала она у них жить. И стала их называть папой и мамой. Чу, зима прошла, стало тепло. Ягоды выросли. Прибежали подружки и говорят:

- Отпустите Чюрочку-снегурочку за ягодами.

Они говорят:

- Нет, не отпустим, она еще у нас маленькая.

А подружки настаивают: отпустите да отпустите, отпустите да отпустите. Чу, им тоже, старикам, охота ягодок, ну взяли да отпустили. Дали ей красивую-красивую чашечку. Вот они побежали с этими чашечками, катают эти чашечки по земле и говорят:

- Чашечка, чашечка, полная - волная, верховата.

Прибежали в лес и стали собирать. Девочки-то все ягоды-то едят да едят, а Чюрочка-снегурочка все в чашечку да в чашечку ложит. И всех вперед насобирала полную чашечку с верхом.

А девочкам завидно стало, что у ней чашечка полная, а у них ягод только на доньшке еще, ну, они взяли и решили эту Чюрочку-снегурочку убить и ягодки разделить. Так и сделали. И ягодки разделили, у них полные стали. Остатки набрали и домой прибежали. А старик со старухой спрашивают:

- А где же наша Чюрочка-снегурочка?

- Так она, - говорит, - давно насобирала, давно уже домой ушла.

Они заплакали. Чюрочки-снегурочки нету, час нету, два нету, вечер стал. Пошли искать. Искали, искали - нигде не нашли. На второй день, так и не нашли. А Чюрочка-снегурочка была под чащей закопанная.

Ходил там, ну какой-то шел прохожий, дядечка. И увидел: очень красивая трубочка, а на

трубочке какой-то еще и красивый цветочек. Он взял и срезал эту трубочку, цветочек упал. А из трубочки он сделал пикюльку. Идет пищит, играет. И вдруг эта трубочка человеческим голосом заговорила, и говорит:

- Дяденька, поиграй-ка,
Свет родной, поиграй-ка!
Две меня сестрички убили,
Под сыр-дуб схоронили,
Чашечку раскололи,
Ягодки разделили.

Он думает: "Что такое?" Второй раз проиграл, опять это же. Пошел в деревню. И как раз зашел в тот дом, где жил старик со старухой. И им проиграл то, что трубочка говорит, дяденька этот. А отец и говорит:

- Ну-ка, дай-ка я поиграю.

Взял у него, стал в эту дудочку дуть, а дудочка тоже:

- Пятенька, поиграй-ка,
Свет родной, поиграй-ка!
Две меня сестрички убили,
Под сыр-дуб схоронили,
Чашечку раскололи,
Ягодки разделили.

А мать говорит:

- Ну-ка я.

Выхватила трубочку и стала в трубочку играть, а трубочка и говорит:

- Мамочка, поиграй-ка,
Свет родной, поиграй-ка!
Две меня сестрички убили,
Под сыр-дуб схоронили,
Чашечку раскололи,
Ягодки разделили.

Она говорит, думает: "Это же Чюрочка-снегурочка в трубке сидит". Взяла, как топнула по трубочке, оттуда Чюрочка-снегурочка и выскочила.

И вот стало радости у старика, у старухи сколько много. Обрадовались они. И дяденьку этого наградили за то, что он им эту трубочку принес. И стала это у них Чюрочка-снегурочка расти-подрастать и их почитать.

Про Биедунка

Жил-был старик со старухой. Жили - жили, и не было у них детей. Вот они думают, как же бы им как-то детей приобрести. Они поставили кадь, кадку на печь и стали все туда ложить: и мусор всякий, и помои, и всякую грязь выливали, и все квасили, квасили; и у них там укисло все это; и они встали, посмотрели, а там мальчишка сидит, такой косматый,

толстый. Они достали его оттуда. И как ему дать имя? И назвали его Бисдунок.

Ну и вот, вырос этот Бисдунок, стал больше, ест здорово, такой сильный, косматый. И вот однажды, Он называл их мамой, папой, ну, раньше-то не папой звали, а тятей. Села она прясть и уронила в голбец клуб да простень. И послала его:

- Сходи-ка, - говорит, - сынок, в голбец, достань-ка мне клуб да простень.

А он вылез оттуда, он был всегда жадный такой, голодный; и пока туда лазил, и съел клуб да простень. Вылез и говорит:

- А я съел клуб и простень.

Ну, тогда старик пришел с топором с улицы, говорит:

- Зачем же ты клуб с простнем съел?

А он взял и старика съел с топором. Ну, побежал по улице. Идет, а там мужики едут, сено везут на лошади. Смотрят, он толстый такой, шагает. Ну, они тогда, значит, остановились.

- Что, - говорит это, - ты идешь так?

А он взял да и проглотил и их всех вместе с возом и с лошадью. Идет дальше. Идет баба с коромыслом, ходила белье полоскать, несет на обоих концах коромысла много белья. Он взял подошел к ней и ее съел.

Идет бык рогатый по деревне: "Му-му!" Он к нему подошел и его съел. Смотрит, ребяташки

катаются по горе, а гора крутая, а они на санках, санки большие притащили, так как их много, он говорит:

- Дайте, я прокачусь.

Ну, сел на сани. Они его, так это, с горы-то толкнут попуце, он как покатился, покатился, покатился да и накатился санями-то, своей-то пузой-то, пуза у него большая, пузой-то на угол бани. Пуза-то у него распоролась, оттуда и выскочила баба с клубком да с простнем, старик с топором, мужики с сеном, баба с ведрами, даже бык потом: "Му-му!" - последний пошел. И все были очень рады. А Бисдунок, значит, пуза у него лопнула, и сам пропал, что не стало такого жадного Бисдунка. На том и сказке конец.

СКАЗКИ ПРО ЖИВОТНЫХ

Медведь, липовая нога

Вот жил-был старик со старухой. Старуха все дома да по хозяйству была: пироги пекла да суп варила, а старик все на охоту ходил да и за лыками, лапти плел.

Вот однажды пошел он за лыками в лес, стал рубить и смотрит - какая-то колодинка. Он на этой колодинке хотел лутошку обрубить. Тяпнул, а смотрит: перед ним медведь оказался, да зарычит так страшно: "У-у-у!"

И побежал от этого мужика - испугался. А он посмотрел, а на этом месте осталась лапа медвежья.

Он взял эту лапу и принес домой. Оттербил ее, из шерсти кудельку сделал. Кожу ободрал. Старуха взяла ее, на лавку постлала, чтобы сидеть помягче было, а мясо в печь варить поставила.

А медведь сделал себе ногу другую, из липы, а ночью-то идет в деревню. Старик лапти плетет,

а старуха сидит пряжу прядет. А медведь идет и говорит:

"Скрипи, нога,
Скрипи, липова;
По деревням спят,
По селам спят,
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Мое мяско варит,
Я приду да съем!"

А старуха услышала первая и стала старику говорить; старик-то глуховатый был: "Старик, - говорит, - слышишь, медведь идет". А медведь поближе подошел и опять кричит:

"Скрипи, нога,
Скрипи, липова;
По деревням спят,
По селам спят,
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Мое мяско варит,
Я приду да съем!"

Старик услышал, испугался, не знает, что делать. Взял да половицы-то достал в избе, а сам взял ухват, а старуха не знает, куда спрятаться, залезла на полочку, а там сельница стояла с мукой. Некуда спрятаться - в эту сельницу залезла.

А медведь тот уже в сени зашел и кричит снова:

"Скрипи, нога,
Скрипи, липова;
По деревням спят,
По селам спят,
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Мое мяско варит,
Я приду да съем!"

И открывает дверь-то, заходит. А не видел, темно в избе-то, как шагнул, да и упал в голбец-то. Как в голбец-то упал, старик-то с ухватом соскочил, давай его там ухватом, а старуха-то тоже хотела да с сельницей-то вместе упала туда, в голбец-то! Чу, медведь, конечно, очень испугался, как прыгнул и еле-еле ноги уволок, так и ушел. Так, наверно, сейчас и живет с липовой ногой, а больше в деревню не приходит.

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Про Игнашку вора

Ж

ил-был один барин, а работник был у него по имени Игнашка.

Игнашка был хорошим парнем, красивым, работающим. А барину все казалось, что он мало работает, много ест, что он даже якобы тащит от барина, ворует, скрывает. И он стал называть Игнашку воров:

- Ты, - говорит, - Игнашка, - вор!

А Игнашка говорит:

- Вор, так вор.

- Ну, вот, если ты, Игнашка, - вор, то вот попробуй укради у меня лошадей с конюшни. А если, говорит, украдешь, то я тебя не буду наказывать за это пока, я только проверю, как ты воровать умеешь.

А Игнашка говорит:

- Ладно, вор так вор.

Вот, а он, барин, привязал к конюшне злых собак, чтобы Игнашка не подошел к конюшне, не взял лошадей.

А Игнашка пошел в магазин, купил водочки, взял муки, на водочке сделал колобки и набросал собакам. А собаки, значит, наелись этих колобков и пьяные стали, и уснули, а он взял их хвостами связал и через забор перебросил, а лошадей увел.

А утром барин проснулся и слышит: собаки возле забора воют. Говорит:

- "Что такое, что, говорит, случилось, почему собаки воют?"

- А они, - говорят, - хвостами связаны и через забор брошены.

- Лошади-то целы ли? - кинулись, а лошадей-то нет.

Вот он вызывает через слуг:

- Позовите-ка мне Игнашку.

Пришел Игнашка.

- Ты, Игнашка, украл лошадей?

- Украл так украл, вам дела нет.

- Ладно, Игнашка, прощаю тебе лошадей, я тебя потом поймаю. Вот, - говорит, - давай укради из-под меня войлок.

Игнашка думает, как украсть войлок из-под него. А он не только сам лег на войлок спать, а даже еще свою жену-барыню положил. И вот спят, а Игнашка думает, как из под них войлок вытащить, никак ведь не вытащить. Думал-думал, а по-

смотрел - на печи квашня киснет. Он взял да отбавил от квашенки в криночку, да и вылил между ними тесто-то. Барыня проснулась, говорит:

- Барин, что ж ты, смотри-ка, говорит, что неладно у нас тут.

Он говорит:

- Правда, дак это ты, барыня?

- Нет, это ты, наверно, барин!

Ну, спорили, спорили, как, неудобно же так спать. Давай, говорит:

- Игнашка-то, наверное, спит, тихонько на печь положим сушить, чтобы никто не видел.

Ну и тихонько втащили войлок-то на печь. А Игнашке только это и надо, Игнашка, значит, с печи войлок стащил.

А утром проснулись - войлока нет. Опять Игнашку вызывают:

- Игнашка, говорит, - ты войлок стащил?

- Да, - говорит, - украл, украл, вам дела нет.

- Ну, подожди, Игнашка, мы тебя все равно поймаем! Ты, - говорит, - укради вот из сундука деньги!

Ну, Игнашка думает, как это деньги у него украсть. А он, сундук-то, стоял в комнате в отдельной, и только одно окно было в эту комнату. А Игнашка знал, где эти деньги, а как в окно залезть. А барин сел с топором к окну, сидит, как Игнашка ползет, он ему голову отрубит топором, не будет Игнашки - не будет Игнашка воровать.

А Игнашка взял запасные брюки, запасную рубашку, натолкал туда соломы - сделал чучело, шапку надел на это чучело, голову сделал и тихонько это чучело ночью толкает в окошко, толкает тихонько в окошко. А барин увидел, что Игнашка лезет, раз ему по башану рубанул: "Ну, - говорит, - отрубил я ему все равно башку, разрубил теперь." И побежал к своей жене, рассказать о том, что он Игнашке отрубил голову. А Игнашка в это время бросил чучело, залез в окно да и вытащил деньги. Вот наутро хватился барин - а денег нет, опять Игнашку вызывает:

- Игнашка, ты украл деньги?

- Да, украл, украл, вам дела нет.

- Ну, Игнашка, попадешься, все равно я тебе голову отрублю. Вот, говорит, если ты такой вор хороший, укради у меня жену.

А сам думает: "Все равно жена-то ведь будет кричать, все равно ведь она с Игнашкой не пойдет, все равно ему не украсть мою жену". А сам все-таки боится Игнашки. Наутро взял запряг пару лошадей в карету, думает, подальше я увезу свою жену, чтоб Игнашка-то не видел. И чтобы он ее не украл все-таки, сел сам кучером и поехал ее подальше от Игнашки убрать.

А Игнашка все это выследил, вперед их побежал по дороге (знал тропинки), оббежал, взял и бросил на дорогу сапог новый. А барин едет и го-

ворит: "Смотрите-ка: новый сапог на дороге таскается".

- Ну так куда, говорит, мне его один-то, ладно, пусть таскается.

Дальше поехали. А Игнашка опять вперед, оббежал и второй сапог на дорогу бросил. А барин едет, смотрит: и второй сапог на дороге таскается.

- Че, - говорит, - я тот-то сапог не подобрал, ведь бы пара была, сапоги новые, зачем я его не подобрал? Ну-ка я сбегаяю, недалеко ведь.

Остановил лошадей-то. И сам побежал обратно, чтобы тот сапог-то подобрать, чтобы пара была. А Игнашке это и надо, он выскочил из леса, сел, понужнул лошадей, лошади побежали, и в карете увез жену барина. Ну, барин прибежал - ни лошадей, и ни кареты, и ни жены. Опять дождался второго дня, опять вызывает Игнашку:

- Игнашка, ты украл?

- Украл, украл, вам дела нет, теперь я ее вам не отдам.

- Как? Отдай, отдай жену мою, ведь нельзя так? Я тебе, говорит, за это дом построю, корову дам, свадьбу соберу.

Ну, Игнашка согласился, у Игнашки уже невеста была. Значит, он дом ему отдельный сделал, корову, все хозяйство. И свадьбу, пир сделали на весь мир. Женился Игнашка и стал самостоятельным, стал жить-поживать и добра наживать.

Про Ивана-дурака

Еще было хозяйство такое в деревне: жила женщина, у ней было три сына. Двое-то уминые, и третий-то, они все называли Иван-дурак.

И вот двое-то овец угнали пасты, а Иван-дурак дома остался. А мать испекла пирогов да шанег и сказала: "Иван, отнеси, покорми братьев." И он пошел, понес, а за ним тень от солнца; шагает тень, а он думает, что это кто-то идет за ним, крадется. Испугался и говорит: "На пирог, да не ходи за мной." А тень идет. Он говорит: "На шаньгу, да не ходи со мной." А тень идет. Он кидал, кидал, выкидал все пироги и шаньги. Пришел в поле, а братья говорят:

- Мы зачем, Ванька, пришел?

Он говорит:

- Вам поесть принес.

- А че ты принес?

- Пироги да шаньги.

- Ну, а где они, давай!

А он говорит:

- Этот все сожрал. - показывает на тень.

- Как сожрал?

- А я говорю: не ходи за мной, а этот, говорит, идет.

- Да это же, - говорит, - тень! Ах ты, Ванька, Ванька, дурак!

Надавали Ваньке тумачков, оставили его овец пасти, а сами домой пошли и говорят:

- Ты, Ванька, хорошо паси овец, чтобы они у тебя не разбредались, все в кучке были. А сами ушли домой завтракать, обедать ли уж. А Ванька думает: "Как овцы чтоб не разбредались?" Сходил в лес, надрал лыка и давай овец связывать: кого за рога, кого за хвост, и связал всех в кучу. Они режут, рвутся. Идут братья. Что, говорят, такое, почему это овцы-то все режут? Подошли.

- Че, говорит, Ванька. ты сделал?

- Так вы сказали, чтоб не разбредались, чтоб все в кучке были, вот, - говорит, - они у меня и не разбредаются и в кучке.

- Ох ты, Ванька, Ванька!

Надавали ему тумачков.

- Иди, - говорят, - домой.

Ну, Ванька ушел.

Долго ли коротко ли время прошло, братья вздумали да еще на работу поехали они куда-то и говорят: "Ванька, сиди дома, да дом-то охраняй, вот дверь-то стереги." Ванька остался дома, а по-

играть охота сбегать. Думает: "Да, че дверь-то обязательно ее тут стеречь, я дверь-то могу и с собой взять". Взял дверь снял с петель, и на себя. И пошел, играет там с ребятами, бегают, а дверь на лугу лежит. Поглядывает на нее, на дверь-то.

А приехали братья, смотрят: дом открытый, и двери нет. Да что, говорят, это такое. Пошли Ваньку искать, а он на лугах с ребятами играет.

- Ты, - говорит, - Ванька, че, дверь-то где?

- А вон, - говорит, - лежит. Вы же сказали ее охранять. Я вот и охраняю, чтоб ее никто не утащил.

- Ох ты Ванька, ты Ванька, дурак!

- Ведь мы тебе сказали охранять дверь, чтоб в дом никто не зашел. Надавали Ваньке тумачков.

Подошла осень. Вздумали братья жениться. Говорят:

- Ванька, съезди на базар, купи соли, горшки, ложки, для свадьбы все это нужно, вещи.

Ну, Ванька поехал, купил необходимое, то, что заказывали. Едет домой на лошади. Подъехал к реке, стал лошадь поить. Лошадь не пьет. Он бросил горстку соли, она не пьет, он две горсти - она не пьет. Он сыпнул - она не пьет. Он взял и высыпал весь мешок, она все равно не пьет. Он рассердился на лошадь, как ей даст, она упала да пропала. А горшки-то теперь не знает, как нести. Взял палку, доньшки вышиб все у горшков, горшки

надел на палку, палку на плечо и шагает. Идет, идет и думает: че это я принесу горшки эти, они все равно вить без донышек, варить-то нельзя будет. А че это я их тащи, майся. Взял и одел на пенечки. "Милые, - говорит, - пенечки, стойте вы без шапочек. Я вам хоть шапочки подарю." Одел на пеньки, идет дальше, несет ложки в мешке. А ложки в мешке бряк, бряк, бряк, бряк. А ему кажется, что они говорят: "Иван - дурак, Иван - дурак!" Он говорит: "Че дразнитесь." Опять шагает, быстро шагает. Они бряк, бряк, бряк, бряк. "Я сказал, не дразнитесь, не обзывайтесь"; а они все равно бряк, бряк, а ему кажется: "Иван - дурак". Он взял бросил их на дорогу и растоптал.

Пришел домой, братья говорят:

- Ты че, Ванька, купил ли хоть нам че-то?

- Купил, все купил.

- Ну, а где? Соль-то купил?

- Купил.

- А где она?

- Так я, говорит, в реку высыпал, лошадь не пила, я хотел, чтоб она пила.

- А лошадь-то где?

- А я ее стукнул, она пропала.

- Ух ты, Ванька, Ванька - дурак! А горшки-то купил?

- Купил.

- А где?

- Да я, - говорит, - на пенечки одел, че они без шапочек.

- Ну, а ложки-то купил?

- Купил. Они, - говорит, - обзываются, говорят: "Глы Ванька - дурак! Ванька - дурак!" Я, - говорит, - их растоптал, вон на дороге бросил дак.

- Ох ты, Ванька, ты Ванька.

Опять Ваньке тумачков надавали.

- Ладно, - говорят, - Ванька, раз ты не умеешь на базар ездить, ниче покупать. Теперь сиди дома. А мы сами съездим, все купим.

Ну и вот, поехали, а Ваньку дома оставили перед свадьбой, за дело.

А Ванька сидел, сидел дома - скучно. Двери закрыл на крючок. Они ему сказали:

- Закройся на крючок, - говорят, - да это, сиди.

Чечем ему заняться. Стал, воду вылил из кацы на пол, брагу вылил, пиво вылил. Там водочка была куплена - вылил; все молоко из горшков вылил. У него вот стало воды много в избе, прямо до окон. Взял сельницу, взял лопату и плавает по избе. Туда плывет, сюда плывет.

Ну, а братья приехали, постучали - закрыто, постучали.

- Че, - говорят, - Ванька, открывай!

- Сейчас, доплыву.

Думают, да что это такое, где он там плавает, что у него там?

- Открывай, - говорят, - быстрее.

- Щас доплыву.

Ну, открыл он с крючка, а вода вся хлынула на них.

- Ох ты Ванька, ты Ванька - дурак! Что ты наделал! Ведь это все было припашено, все надо было. Зачем ты так-то.

Опять тумачков Ваньке дали. Ну, Ванька!

Все-таки стали они свадьбу собирать, снова все это приобрели. Живо наварили, браги наделали, водочки купили. Говорят:

- Ванька, да ты хоть это, иди овцу заколи на свадьбу-то.

- А какую, - говорит, - заколоть-то, которую?

- Да, которая, - говорят, - на тебя поглядит.

Ну, Ванька пошел во двор. А овцы в конюшне, много их, семь, восемь ли было. Он, значит, взял залез туда повыше. Как в середину прыгнул к ним. Они испугались и все на него поглядели. Он взял и всех зарезал.

- Ты, - говорят, - че, Ванька, это наделал.

- Так они, - говорит, - все на меня глядели. Я, - говорит, - раз велели, которая на меня поглядит, ту и заколоть, я всех и заколол.

- Ох ты, Ванька, Ванька - дурак!

Опять Ваньке тумачков надавали.

Ну, все-таки свадьбу собрали. "Иди, - говорят, - Ванька, позови гостей." Ну, Ванька пошел звать

гостей. "Мужики, - говорит, - идите на свадьбу, а баб не берите." Ну, мужики пришли. А хозяйева говорят: "Плак че это одни мужики, бабы-то где? Почему баб-то нет?" "А я, - говорит, - их не позвал." "Ну, так, иди, - говорят, - и баб позови."

Он пошел: "Бабы, идите на свадьбу, ребят не берите." Ну, пришли бабы и заботятся: вот там, что там они не делают, вот они там, поди, ревут вот они там, нас ждут.

Опять говорят: "Ванька, так ты че ребят-то иди, ребят-то тоже собери, на свадьбу, чтоб женщины не заботились об них."

Ну, Ванька думает, их много в каждом доме по пять, по шесть, где я их соберу. Запряг лошадь, взял большой короб. Подъедет к дому, вытащит ребят в этот короб, в том, в другом, в третьем; их много стало, полный короб с верхом. Он взял бастрык, придавил их бастрыком-то, которого за ногу, которого за руку, которого по середке. Они пищат, верещат. Ванька едет по деревне, ребятки ревут. Привез на свадьбу. Пыскакали матери. "Что, - говорят, - это ты, что, - говорят, - Ванька, ты наделал!" "Да как я их. Столько их много, так как это я должен их вести, вот и привез." Опять Ваньке тумачков надавали.

Ну, Ваньке надоело. Все так, все ему тумачки да тумачки. Прошла свадьба, отделились братья отдельно. И Ванька остался один, некому стало его бить. И Ванька вырос, потом стал хорошим челове-

ком, уминым, не стал вредничать. На том и сказке конец.

Про кобыльи яйца

Идет поп по базару. А до этого все ходили у него работники да попадья по базару-то, он больно-то и не бывал. Смотрит - арбузы лежат, а он и не видал, что такое арбуз. И спрашивает у продавцов:

- Это, говорит, что за яйца, чьи это, говорит, это такие яйца?

Ну, тем смешно стало, что он арбуз яйцами называет. Они говорят:

- Да это лошадиные.

Он говорит:

- А я давно хотел, чтобы у меня две лошади были, говорит, я не знаю, они откуда берутся, как выращиваются, - говорит, - тогда разрешите мне парочку. И купил два арбуза. Он еще спросил, "А как их?" "Да так же, говорят, как курица высиживает яйца, их нужно нагревать, сидеть на них, и из них вылупятся маленькие жеребята. Надо будет этих жеребенков так же, как цыплят, кормить, и они вырастут и будут лошадки". Понравилось попу, что это так легко можно жеребят вырастить, сделать.

Вот он принес эти арбузы, нашел сито, положил туда соломки и положил эти арбузы, чтоб тепло было, поставил их на печку в уголок и сам сел, чтоб парить, как курица. И не стал на службу выходить.

Неделю сидит, парит, вторую неделю парит. А люди стали сомневаться, куда у нас батюшка девался, почему на работу не выходит? И спрашивают попадью:

- Где у нас батюшка, почему это он не стал на службу выходить?

- Да он, - говорит, - болеет, он не может выйти.

- Ладно, - говорят миряне, - раз батюшка болеет, надо сходить его попроведывать, а то ведь он больной человек, а мы его не идем проведать.

И сказали матушке, что мы хотим его прийти попроведать. А матушка ему передала. Он говорит:

- Нет, ты пока не пускай, мне, говорит, надо не менее как три недели просидеть, ведь курины яйца за три недели выходят. А он еще только две просидел, значит, еще надо неделю сидеть.

Ну, а люди все равно волнуются, как же это мы не попроведаем батюшку, больного такого? И вот, собрались много людей около дома, все похаживают, поглядывают, а она их в дверь не пускает. Ну, они все-таки решили как-то зайти, кто как.

А он испугался людей-то, как это, придут люди, а он сидит, яйца выпаривает лошадиные.

Ну, значит, решил сбежать от людей-то. Привязал это лукошко к себе, чтобы яйца-то не остыли, а то ведь простынут, и побежал в лес.

А люди-то вроде за ним, уследили. Вот он там побежал. И они вроде тоже за ним пошли в лес, что-то, мол, не ладно с батюшкой-то, побежал что-то, че-то случилось с ним, да ладно ли, в уме ли он?

Он видит, что люди-то тоже идут, не знает, куда деваться. И прямо как-то с разбега так и на елку залез. Сидит там в гуще, посматривает. А они уже ближе подходят, люди-то, посматривают, где он там. Он решил тут припрятаться, и у него лукошко-то за сучок задело и оторвалось. И яйца-то выпали туда.

А оказывается, там чаща была, а в чаще-то зайцы сидели. И зайцы-то выпрыгнули и побежали, а он думал, что это уже у него жеребята-то побежали. Что они выпарились и уже побежали. Увидел, что мелькают, бегут, ему жалко, что он столько труда потратил, столько сидел, уже скоро три недели будет, он соскочил оттуда и бежит, кричит:

- Ъпру, тпру, стойте, я ваша мать, стойте, не бегайте, я ваша мать!

А люди смотрят - что такое, почему он что-то кричит, бежит. Они окружили его, пойма-

ли, думают, что он как сумасшедший что ли. -

Что, - грит, - это вы кричите?

- Не трогайте меня. У меня жеребята побежали. Ведь я же ихная мать, ведь я же их выси-дел. А теперь, - говорит, - должен их воспитать.

- Да где, - говорят, - жеребята-то?

- Да вон, - говорит, - бегут, беленькие такие, светленькие.

- Да это ведь зайцы!

- Как зайцы? Я ведь, - говорит, - высиживал.

И признался людям во всей своей правоте. А они потом нашли разбитые, оказалось, что это были арбузы. И стали смеяться над этим батюшкой. Чу, он им сказал: "Вы уж не говорите никому", - попросил он всех мирян.

И стал он снова жить-поживать и добра наживать.

Беззаботный поп

Вот еще про попа вам расскажу. Поп, значит, живет в деревне, вроде работы у него особой нету, на полях он не работает, ему хлеб приносят, сами люди дают, это не поповское дело: коров доить, хлеб растить. Чу, держал он

работника. И вот они с работником, делать нечего, от нечего делать и решили написать такое себе объявление, на двери повешали: здесь живет беззаботный поп, что у него заботы нет.

Долго ли, коротко ли эта бумажка у них висела, едет архиерей - начальник над попами, смотрит, бумажка висит, прочитал: "Беззаботный поп." "Да какой же это поп, разве может у нас быть такой поп, у которого нет заботы, у попа должна быть всегда забота: то крестить, то отпевать, то венчать, то соборовать. А какой же это поп? Надо его это, убрать. Какой же это беззаботный поп?"

Заехал в соседи и посылает своего слугу: "Сходи-ка, - говорит, - позови этого попа ко мне." Ну, слуга сходил. Пришел поп. Говорит:

- Что ж ты так-то, повесил такую бумажку. Какой же ты поп беззаботный? Нам таких попов не надо. Ведь у тебя же каждый день должна быть забота. Вот крестить, отпевать, венчать - ведь это же все равно забота, а ты говоришь: беззаботный поп. Я вот тебя за это, значит, накажу, уберу тебя и в тюрьму засажу, если ты так делаешь.

А он говорит:

- Дак ну уж прости меня, батюшка, это ведь я нечаянно так написал.

- Чу, вот, - говорит, - если вот отгадаешь мои три загадки, то, - говорит, - я тебя, вроде, прощу. А если не отгадаешь, то накажу.

- А какие загадки? - говорит.

- А вот первая загадка: сколько я стою? Цена моя, мне цена.

- А вторая?

- А вторая, - говорит, - загадка: сколько весит моя голова?

- А третья?

- А третья, - говорит, - загадка, что я думаю?

Пошел поп в свою квартиру, идет и очень переживает, задумался. "Как такие загадки отгадать? Вот если я скажу, сколько он стоит, он скажет: я не столько стою, дороже. Как я ему цену дам? Сколько он стоит? Кто его знает. Или вот вторая загадка: сколько весит его голова? Я вот скажу, сколько она весит, а он скажет: нет, она больше весит, или скажет, меньше весит. И тем более, как я угадаю, что он думает? Я скажу, что он думает, а он скажет: нет, я это не думал, я другое думаю. Я вот это думал. Как вот это угадать, у человека мысль. Что он думает?"

Пришел домой и своему работнику говорит:

- Ты меня подучил написать такое объявление, так вот давай и загадки вместе угадывать. А если не угадаем, то нам с тобой обоим хана.

Снимет нас царь с работы да еще в тюрьму посадить пообещал.

Чу, работник говорит:

- А когда он велел угадать?

- А завтра, - говорит.

- Чу че, завтра и угадаем.

Приходит назавтра работник к попу и говорит: "Снимай свою одежду, я пойду загадки угадывать". Чу, поп снял свою одежду, рясу там, поповское одеяние. Одел это работник и пошел загадки угадывать.

Приходит и говорит:

- Вот, я пришел загадки ваши угадать. Повторите, - говорит, - первую загадку.

Вот он повторяет ему загадку первую:

- Вот, сколько я стою?

- Так сколько вы стоите? Чу, я бы, говорит, может быть, по вашему виду, по вашему уму, дак вроде бы дал бы вам 33 серебряника.

Он говорит:

- Ты что, так мало? Неужели я только 33 серебряника стою?

- А что, - говорит, - Иуда продал Христа за 33 серебряника, а вы ведь все-таки не Христос, все-таки только архиерей, ведь это же большая разница. Я говорю, и то вам предлагаю 33 серебряника.

- Да, пожалуй, - говорит, - ладно, согласился. Ладно, - говорит, - первую загадку, предположим,

ты угадал. Давай, - говорит, - угадай вторую: сколько весит моя голова?

- Чу, - он говорит, - килограмма три, говорит.

- Да нет, - говорит, - может быть не три килограмма весит у меня голова, а больше? Может быть, три с половиной, ты не угадал.

Он говорит:

- Чу че, давайте отрубим вашу голову и взвесим. Если, - говорит, - больше или меньше, а я говорю, что вот три.

Пот попался, как отрубить голову и взвесить! Нет, - говорит, - я голову рубить не дам. Ладно, уж, - говорит, - я согласен, пусть моя голова и три килограмма весит.

А сам думает: "Вот третью он все равно не угадает. Я все равно, значит, засажу этого попа в тюрьму, он все равно не скажет, что я думаю. Он скажет: то думаю, а я скажу, я это не думал, я другое думал."

Чу, и говорит:

- Повторите третью загадку.

Он говорит:

- А вот третья загадка: что я думаю? А как угадать?

А работник и говорит:

- А вот ведь вы, говорит, думаете что я поп, а я не поп, я только его работник.

Взял и снял с себя одежду. И оказалось действительно так, что он не поп, а только его работник. И ему пришлось признаться, что он действительно думал, что он разговаривает с попом.

Ну, вот все угадал, архиерею деваться было некуда, он сказал: "Ладно, я вас прощаю, только эту бумажку, конечно, убрать надо."

Бумажку убрали, и стал жить опять поп поживать в этой деревне с работником, добра наживать.

Шел солдат со службы

Шел солдат со службы, тоже шел, шел. Обычно у солдата есть нечего. Путь дальний идти. Сколько там было сухарей - все уже съел, зашел на квартиру, попросился ночевать, а старик ему и говорит:

- Вот, если будешь мне рассказывать сказки всю ночь, дак тогда, говорит, это, я тебя пущу ночевать, а если не будешь рассказывать, то не пущу.

И вот солдат согласился:

- Ладно, - говорит, - буду рассказывать.

- Где ты бывал, что ты видал, как ты жил?

Ну, и поужнали они, покормила их старуха, и легли на полати, солдат и дед. Лежат.

- А давай, - говорит, - рассказывай теперь сказки.

Ну и пришлось солдату рассказывать. Сначала рассказывал, где служил, что видел, какая длинная служба была, потом уже на сказки перешел: и про медведей, и про волков, и про зверей. Старик слушал, слушал да и уснул. Уснул, да и приснилось ему зверье-то это, он испугался да с полатей-то и упал на пол. Упал на пол, а солдат-то уснул уже крепко. Мел, устал, крепко спит, не слышит. А старик упал на пол, и ему старуха говорит:

- Ой-Ой, что ж ты, старичок, почему же ты упал?

- Не подходи ко мне, старуха, я не старик твой, я - волк!

- Как, - говорит, - волк, ты же не волк, ты же мой старичок.

- Нет, я теперь волк. Иди, а то я тебя съем. Испугалась старуха.

- Это, - говорит, - был вовсе не солдат, который к нам зашел ночевать, это, - говорит, - был медведь. Он, - говорит, - позвал всех зверей сюда и сделал меня волком. Теперь я волк. А ты, - говорит, - старуха, теперь будешь волчица. Не подходи! Если еще пока ты не волчица, не подходи, я тебя съем!

Пут завyla старуха, заплакала:

- Да что же, милый мой старичок, ой, да ведь ты же мой старик, мы же с тобой долго прожили,

да какой же ты волк, да ведь это же солдатик зашел ночевать.

Он все равно свое:

- Не подходи, не подходи!

Ну, потом все-таки нет и нет, она старалась его вразумить, и солдат-то проснулся:

- Что, говорит, случилось?

- Да вот, - говорит, - в волка превратился.

Ну, нет и нет, а вразумили старика, что он действительно не волк, а старик. И солдат ему сказал:

- Вот, говорит, не надо много сказок-то слушать, а то ведь, действительно, потом превратишься в каких-нибудь зверей.

И стал после этого старик умней - не стал выпрашивать у всех сказки, а сам стал спать уже более крепким сном.

СКАЗЫ, БЫЛИЧКИ, БЫВАЛЬЩИНЫ

Про солдата

Идет солдат из армии. Пришел в одну деревню, попросился ночевать. В один дом попросился, его не пустили; в другой дом попросился, опять не пустили; в третий дом попросился, они говорят:

- Да у нас семья очень большая, негде тебе вот спать-то. Вон там у нас свободный дом есть, новый, построенный, дак там, - говорит, - черти живут. Пока не живем, не знаем, как там чертей выгнать.

Он говорит:

- Так вот и пустите меня, я и с чертями, ладно уж, ночью.

- Чу, - говорит, - если не боишься чертей, так иди, вместе с чертями и спи.

Вот он пошел в этот дом новый, где черти живут. Приходит, сделал постель, поужинал и лег. Откуда ни возьмись выскочил чертенок:

- Чево ты тут на нашей квартире разлегся!

- Ну что, говорит, - я солдат, мне же где-то ночевать же надо. Я спросился, мне сказали, можно с чертями ночевать.

- А что, - говорит, - ты умеешь делать?

- Да все умею, - говорит, - я ж солдат!

- А умеешь хоть в карты играть?

- Да, - говорит, - умею.

- Ну так че, давай хоть в карты будем играть, все равно нам вместе ночь коротать.

Ну, стал солдат, сел с чертенком в карты играть. Вот играют.

- А чем, - говорит, - играть будем? У меня денег нет, я солдат, у меня ниче нет, никаких денег. Я, - говорит, - могу только на щелчки играть.

Ну, кто кого обыграет, тот тому щелкает в лоб.

- А сколько, говорит?

- Ну, хотя бы три щелчка.

- Ну, ладно, хорошо, согласился чертенок. Играют в карты, и обыграл его солдат, чертенка.

- Подставляй, - говорит, - лоб.

- Чертенок подставил свой лоб.

Этот ему щелкает: один, два, раз, два, один, два, раз два, один, два, раз два, а три-то не говорит, а чертенок-то счет-то не знает, он ждет, когда он скажет цифру три. А этот все только

один да два, раз-два. Чу, у чертенка покраснел весь лоб. Говорит:

- Ладно, так и быть, ночуй, - говорит, - только завтра пораньше уходи отсюда. Я все-таки здесь хозяин.

- А мне, - говорит, - не надо хозяйства, я переночую, да дальше уйду. Чу, так и сделал - ночевал. Чу, а наутро хозяева увидели, что он живой, и его черти не заели.

- Мы, говорят, как? Видел чертей?

- Видел, говорит. Да как ты, говорят, еще у нас ночуй, пожалуйста; а то мы не знаем как с ними справиться. Мы, - говорит, - может, нам поможем их выгнать.

- Если надо - выгоню.

Чу, они его попросили там, уплатили там, чтоб он чертей выгнал, он снова остался ночевать.

Чертенок опять выскочил ночью.

- Чу, что, - говорит, - снова будем в карты играть?

Он говорит:

- Нет, у меня еще до сих пор лоб не отошел.

- А я, говорит, - здесь тоже поселился, здесь буду жить. А если не будешь со мной играть, то я вас всех чертей к чертям пошлю.

- Как, - говорит, - так?

- А вот так, если не будешь со мной в карты, то, - говорит, - отсюда все уходите.

Ну, чертенку делать было нечего, он испугался, дал ему обещание, что он уйдет. И так освободил он квартиру, и дом-то они ему отдали, этому солдату, за то, что он чертей выгнал.

И стал солдат тут жить. Жену себе красивую нашел, стал жить-поживать, в новом доме добра наживать. Отобрал дом у чертей.

Сказка про охотника

Жу, я бы не сказала, что это сказка или быль, мы раньше считали это былью. Что якобы в одной деревне, в старину, и не только в одной, и в других деревнях; в старину, когда пройдет страда и осенняя уборка картофеля, когда убирают лен, то большинство мужиков отправляются на охоту, в леса, чтобы поймать какую-то дичь, убить белок, лис, волков, и чтоб заработать себе денег.

И вот однажды пошли мужики в разные стороны. И вдруг в лесу один человек потерялся. Когда вечером пришли с охоты, а его нет и нет, нет и нет. И на второй день охотники пошли в этот лес, искали его, искали, а дело было осенью, холодно было уже, снежок так уже начинался, а его так и не нашли.

Ну, дома семья очень переживала, куда, мол, это девался наш муж, наш отец.

А он вот шел, шел по лесу, и вдруг земля под ним оборвалась, и он упал в глубокую яму. Упал, и вдруг земля над ним как-то задержнулась. И он оказался в этой яме. И там какая-то дорожка перед ним открылась, и он пошел, пошел по этой дорожке, думает, что раз тут сверху закрылось, может быть, там где-то есть, выход найдет.

Ходил, ходил, туда идет дорожка, сюда дорожка, опять придет в тупик, опять ничего нет. Но вышел в одно место, там, вроде, посветлей. И смотрит, такое место большое, открытое, как подземелье какое-то. В середине белый камень стоит, как стол большой. А по углам он посмотрел, обратил внимание, а там кого только нет: и все пресмыкающиеся: змеи, ящерицы, ужи, все они свернулись калачиками, лежат, только глазами посверкивают. Походил он, походил, пошагал через них - больше выйти некуда. Убедился, что хода нет, деваться некуда, и решил остановиться в этом подземелье. Сел в уголок и сидит. День прошел - сидит, два прошло - сидит. Есть захотел, стал наблюдать. Хотя когда и темно, а когда разглядишься, то видно, что-то где-то просвечивает или от этого стола светится или еще что-то. Видно, как змеи лежат и немножко пошевеливаются, видно, как ящерицы лежат. Больше все стоями такими, кучками.

И вот смотрит: одна змея зашевелилась, зашевелилась. Он испугался, думает, что вдруг она сейчас к нему подойдет. Нет, она пошла, зашевелилась, поползла, поползла вот к этому камню. Пришла к этому камню и давай его лизать. Полизала, полизала и ушла опять снова на свое место, легла, опять свернулась, только глазенками сверкает. Смотрит: вторая змея зашевелилась, больше, чем первая, опять поползла к камню, опять камень полизала, полизала, опять ушла на свое место.

Он боится шевельнуться: вдруг такие змеи нападут на него. Вдруг смотрит, ужи даже оба в раз зашевелились, заходили, вдвое пошли к камню, опять камень полизали.

Смотрит, и ящерицы через несколько дней тоже к этому камню подбегают. Вот ему стало интересно: а что же это такое? Почему же они что-то все этот камень лизут?..

Дай-ка, я посмотрю, что это за камень. Подошел он к этому камню, пощупал сначала его - он твердый, действительно, как камень, но что-то показалось, что можно его и лизать, и он тоже стал лизать.

Полизал этот камень, как будто от него... что-то такое питательное, как будто вот он наелся и стал сытый.

Напитался от этого камня, и камня не убавило. Он не слизался с этого места, где бы он ел.

Снова в уголок ушел. Опять сидит. Все, ну сколько-то спит, сколько-то смотрит, наблюдает, наблюдает, как эти змеи все живут в этой яме, питаются, ходят попеременно каждая. И он через некоторое время как захочет есть, так идет к этому камню. Идет, полижет этот камень - и сытый. Снова в уголок забивается, и так прошла зима.

Чувствует он, что, вроде, должна наступить весна. И действительно: змеи стали почаще подходить к камню, чаще стали питаться - вроде зашевелились все.

И в один прекрасный день они, значит, зашипели, зашевелились.

И среди них был такой один главный что ли змей, самый большой, как организатор какой-то, как над всеми змеями змей. Он вперед пошел, пополз, за ним змеи, потом ужи, потом ящерицы.

Он смотрит, куда-то они собираются идти, и он прикнул среди змей. Они идут, идут, ползут, ползут. И он тоже так пригибается вместе с ними, тоже как бы ползет, идет по коридору по какому-то, какая-то дорога образовалась.

Идут, идут и стали выходить. Выходить стали на поверхность. Вышли на поверхность - поползли в разные стороны. А старший преградил ему дорогу и стал ему человеческим голосом говорить: "Я, говорит, знаю, что ты попал нечаянно в наше гнездо. Я видел, как ты себя вел. Но ты, го-

ворит, не обидел нас никого, не стукнул, не прижал. Также, надеюсь, ты и впредь, и когда будешь жить на воле, то постарайся нас не бить, а защищать, мы тоже вот ведь вреда плохого сильного не делаем, мы только обороняемся, кто на нас наступает, кто нас старается чем-то обидеть, то мы только ведь на тех тоже стараемся напасть. Ну, говорит, особенно людям не рассказывай, где ты был, и как ты жил, а то, говорит, у тебя могут быть несчастья".

И вот он вышел и потихоньку пошел домой. Пришел домой. Ну, все стали спрашивать: где он был, как он прозимовал зиму, где он жил. А он уж помалкивает. Ну дак конечно, раз ему наказали не рассказывать - не рассказывает. Ну, а после этого он не стал убивать ни одну змею, ни одну ящерицу, ни людям не давал убивать - нельзя, все хотят на земле жить. Каждое существо должно жить, всем хочется быть живыми.

Вот на том и конец этой сказке. Сказка ли, была ли это... Мы считали в детстве, что это было, потому что мы не знали, где змеи зимуют, думали, что это они зимуют вот в глубоких ямах.

Насколько это достоверно...

Насколько это достоверно, но вот рассказывала, говорят, одна вятская старуха, которая где-то там жила около Вятки, старинная это не сказка, а якобы быль.

Что жила она в старенькой избушке, в худенькой, жили в бедноте, и была у ней дочь, лет так под двадцать. И было у них поле, как у остальных, сеяли они, убирали зерно. И вот однажды, в одно лето, стали они жать рожь. Жнут, ну и там соседи тоже на своих полях (раньше же делянки были), на своих делянках. И вышел к ним медведь. И они испугались этого медведя и побежали. Дочь и мать. Побежали там на другую делянку, там к людям. И убежали от медведя.

Ну, на второй день, говорят, боятся идти на поле, но все равно надо жать, никто поле не сожнет, никто не сделает за людей, все равно надо идти.

А когда бежала эта девушка, то она потеряла с головы капор.

На второй день снова стали жать, и снова выходит медведь. И выходит, идет на двух ногах, а в руках несет этот капор, наполненный медом. Но мед, говорит, был очень такой, нехороший: со пче-

лами, с сучьями, с листьями; где-то он его взял, наломал лапами своими. И подходит к этой девушке. Ну, девушка, конечно, очень испугалась, тоже побежала, и мать, что вот к ним медведь пришел. Побегали они в разные стороны как-то, и медведь поймал эту девушку, и утащил ее в лес. Мать одна ушла домой. Не могла отбиться, там люди тоже испугались, убежали. Ну, вот он увел ее в лес, в свою берлогу. И все лето он ее не отпускал никуда. Она пробовала убежать от него, но он ее каждый раз догонял и бил. И так она была, в общем, вынуждена с ним зимовать, она знала, что от него не убежать, она уже припасала на зиму себе питание, и он таскал кое-чего, говорит, мышей, лягушек там, где поймают. Утащил в берлогу. Видимо, тоже думал, что ее кормить надо будет. Ну, она запасала всякие листья, коренья, ягоды, которые поближе были (он ее близко-то отпускал, но караулил, чтоб она не убежала). И вот, они в берлоге вместе жили, зимовала она с ним. Он, говорит, сосал лапу, но все равно, говорит, он глазами смотрит и наблюдает, стоит ей только шевельнуться, как бы убежать, он вставал, рычал.

И стал он с ней жить, как муж с женой. Она вот ему на второе лето-то родила ребеночка, и у этого ребеночка что-то было человечесьё, и что-то было медвежьё; какие-то ноги были, похожие на лапы. И вот она этого ребеночка кормила грудью, и он стал расти, этот ребеночек. И так как ей

надо было есть, питаться, она выходила все равно питалась, и он ей там кое-че старался - вон этих лягушек, мышей, таскал, она ела - нечего было есть, приходилось есть.

И она стала уходить, уйдет и к ребенку снова придет, опять подальше отойдет и опять придет. И он обнадеялся, что она ребенка не бросит, что она все равно придет к нему, к ребенку, и стал ее отпускать подальше; она ходит, там ходит, а к вечеру снова придет. А она, значит, все это ходила выглядывала: где это дорога, как это пройти, как ей до дома добраться, сколько времени.

И вот она выждала, наметила, когда убежать, она оставила этого ребеночка, и с утра как вышла гулять, как будто пастись, а сама, значит, побежала домой.

И прибежала домой, мать была дома, она сказала: "Давай скорей, бегом, уедем отсюда." Чу, в общем, они захватили там лишь то, что под руку попало, а они, видимо, жили, тут была железная дорога, станция. Они скорей туда, на вокзал и уехали. Она говорит: "Все равно он меня найдет, если мы здесь останемся. Он все равно найдет".

И когда они уехали, ночью он приходил, этот медведь. И, говорит, всю избушку ихнюю, всю раскатал, все их искал. Кричал очень, ревел, но ушел. Люди уже не посмели его стрелять, не стали, да и нечем, может быть, было. Ушел, не стал больше приходить. А они уехали, и никому было не известно,

куда они скрылись. На том и конец был ихней жизни. Медведь так остался один в лесу, они уехали и не вернулись. А ребеночек там, у медведя остался.

СЛОВАРЬ

устаревших и диалектных слов

Бастрык - жердь для крепления сена на возу.

Баша́н - голова.

Божни́ца - полка для икон в переднем углу.

Везли от венца - везли из церкви после венчания.

Верта́ется - возвращается.

Верховáта - здесь: наполненная до краев.

Вечерова́ть - собираться вместе, небольшой компанией с работой.

Вечёрки - сбор молодежи для игр с работой.

Войлок - шерстяное, катаное покрывало, использовавшееся вместо матраса.

Войлочёк - подстилка из катаной овечьей шерсти.

Всхлиптывает - всхлипывает.

Гóлбец - употребляется в двух значениях:

1) подполье,

2) деревянный помост возле печи, вход в подполье.

Гулят - так обозначается воркование голубей, от: гули-гули.

Желудка - здесь: пустая скорлупка от желудя.

Жёрнова - употребляется в двух значениях:

1) ручная мельница

2) главная деталь ручной или другой мельницы из песчаника с насечками или деревянная с набитыми железными полосами (в форме круглого широкого диска)

Зака́зывала - "соседка в гости заказывала" - здесь: звала.

Закоу́лочки - углы сруба.

Заняла́сь - "занялась помогать" - здесь: начала, взялась.

Засло́нка - железная полукруглая задвижка, которой закрывали чело русской печи.

Ка́пор - имеется в виду головной убор, во время этнографического исследования в местной традиции головного убора с таким названием не зафиксировано.

Ка́ца - бочка, кадка.

Квашня́ - тесто для хлеба.

Ки́даться - кидаться, бросаться.

Кове́ркать - здесь: ломать.

Коло́динка - здесь: старый пень или поваленное дерево.

Кри́ночка - высокий глиняный горшок для молока.

Куде́ль - льняное волокно.

Луко́шко - плетеная из бересты, прута или дранки корзинка.

Луто́шка - освобожденный от коры ствол молодой липы.

Лыко — кора молодой липы, полосы из коры молодой липы.

Моты - большие мотки ниток.

Набива́ется - здесь: напрашивается.

Не верта́лись - не вернулись.

Недорбо́ток - сказительницей употреблено в значении современного слова подросток.

Опряду́ - спряди.

Опрясть - спрясть.

Отсули́л - обещал.

Па́рить - здесь: высиживать - "парить" яйца.

Пикю́лька - свистулька.

Припашено - припасено - запасено.

Поду́ - здесь: пойдя, иди.

Поду́ - наверное.

Под па́зушку - под мышки.

Подша́лок - платок.

Покли́кала - позвала.

Пола́ти - настил из досок или плах над входом в избу. Как, правило, на полатах спали.

Полу́чка - полка.

Полови́цы - доски из которых настелен пол в избе.

Попу́ще - здесь: посильнее.

Пораней - пораньше.

Пробстень - веретено с напряденными на него нитками.

Пролоднй - прохожий.

Пуза - живот.

Пуше того - сильнее того.

Раскрырил - здесь: растопырил, раздвинул.

Седенький - седой.

Сельница - деревянное корыто для просеивания муки.

Сито - предмет крестьянской утвари для просеивания муки.

Стеречь - здесь: караулить.

Ток - место для молотбы зерна.

Уноровить - здесь: угодить, от слова "норов" - характер.

Холсты - ткань домашнего изготовления.

Чаша - куча сучьев в лесу.

Шлык - остроконечный головной убор, в данной традиции это название употребляется для обозначения женского головного убора марийцев соседней деревни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Про Кощея (В некотором царстве да в некотором государстве). Название дано рассказчицей.
- У сказки известно два зачина. Первый, приведенный в сборнике, использовался при рассказе детям, в молодежной среде сказка бытовала с зачином: *"Жил-был царь Берендей, борода да и ей"*.
2. Про Сивку-бурку (Вот жил-был старик со старухой). Название дано рассказчицей.
3. Про жернова (Жил-был бедный мужичок, семья у него была большая). Название дано рассказчицей.
4. Как ветер муку унес (Ну, сказок раньше много было). Название дано рассказчицей.
5. Ореховая веточка (Вот, значит, в одном селении жил дяденька). Название дано рассказчицей.
6. Про горшок (Вот жил-был старик со старухой). Название дано рассказчицей.
7. Про горох (Жил-был старик со старухой). Название дано составителем.
- Сказка имеет два завершения. Первый, приведенный в сборнике, с "хорошим" концом, использовался при рассказе детям, в молодежной и взрослой среде бытовала с другим завершением. Вариант взрослого завершения: *"Ну, старик затолкал туда и старуху, в баню, и все это приволок, что они предложили. А она созвала, лиса-то, в гости всех остальных зверей. И они, значит, там сделали пир и старуху съели. И оставили, говорят, старику-то п...ку под лопушкой..."*
8. У них было семеро мальчишек и одна девочка (У них было семеро мальчишек и одна девочка). Название дано составителем по зачину сказки.
9. Жил-был старик (Ну вот, жил-был старик со старухой). Название дано составителем по зачину сказки.
10. Про Буренушку (Жил-был старик со старухой). Название дано рассказчицей.
11. Про Лутонюшку (Ну вот, жила-была одна женщина одинокая). Название дано рассказчицей.

12. Про Иванушку (В некотором царстве, в некотором государстве). Название дано составителем.
13. Про Снегурочку (Жил да был старик со старухой, а детей у них не было). Название дано рассказчицей.
Слова сказки: *"Дяденька, поиграй-ка.
Свет родной, поиграй-ка.
Две меня сестрички убили,
Под сыр-дуб схоронили,
Чашечку раскололи,
Ягодки разделили"*
исполняются распевом.
14. Про Бисдунка (Жил-был старик со старухой, жили-жили, и не было у них детей...). Название дано рассказчицей. В сказке, видимо, пропущен эпизод, когда Бисдунок проглотил старуху.
15. Медведь - липовая нога (Вот жили-были старик со старухой). Название дано рассказчицей.
16. Про Игнашку-вора (Жил-был один барин, а работник был у него по имени Игнашка). Название дано рассказчицей.
17. Про Ивана-дурака (Еще было хозяйство такое). Название дано рассказчицей.
18. Про кобыльи яйца (Идет поп по базару). Название дано рассказчицей.
19. Беззаботный поп (Вот еще про попа вам сказку расскажу). Название дано рассказчицей.
20. Про солдата (Идет солдат из армии). Название дано рассказчицей.
21. Шел солдат со службы (Шел солдат со службы). Название дано составителем по зачину сказки.
22. Про охотника (Ну, я бы не сказала, что это, сказка или быль). Название дано рассказчицей.
23. Насколько это достоверно (Насколько это достоверно). Название дано составителем по зачину сказки.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сказок раньше много было...</i>	<i>3</i>
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ	7
Про Кощея	7
Про Сивку-бурку	24
Про жёрнова	31
Как ветер муку унес	34
Ореховая веточка	39
Про горшок	41
Про горох	45
У них было семеро мальчишек и одна девочка...	49
Жил-был старик	54
Про Буренушку	60
Про Лутонюшку	67
Про Иванушку	71
Про Снегурочку	78
Про Бисдунка	81
СКАЗКИ ПРО ЖИВОТНЫХ	84
Медведь, липовая нога	84
СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ СКАЗКИ	87
Про Игнашку-вора	87
Про Ивана-дурака	92

Про кобыльи яйца	99
Беззаботный поп	102
Шел солдат со службы	107
СКАЗЫ, БЫЛИЧКИ, БЫВАЛЬЩИНЫ	110
Про солдата	110
Сказка про охотника	113
Насколько это достоверно...	118
Словарь устаревших и диалектных слов	122
Примечания	125